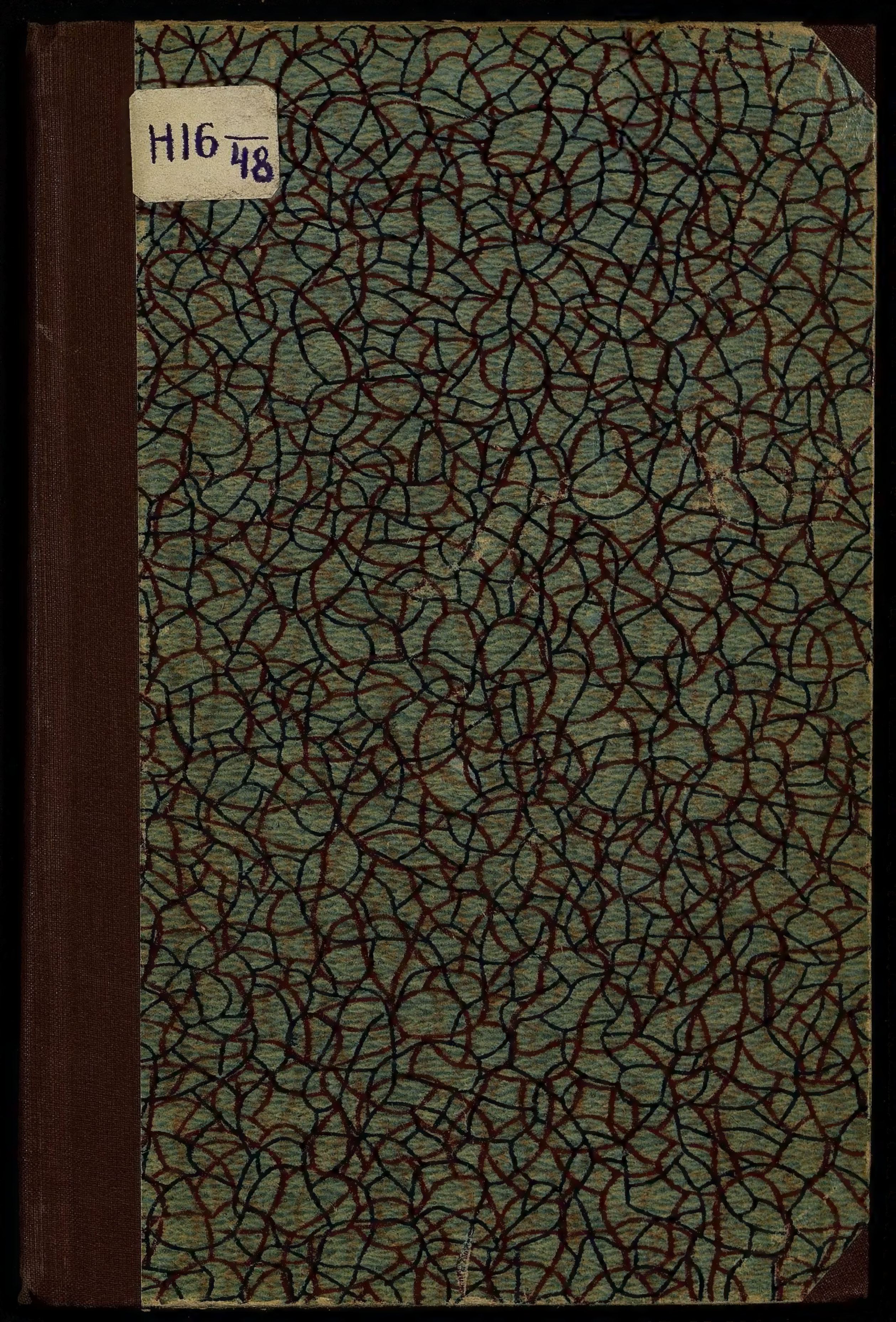
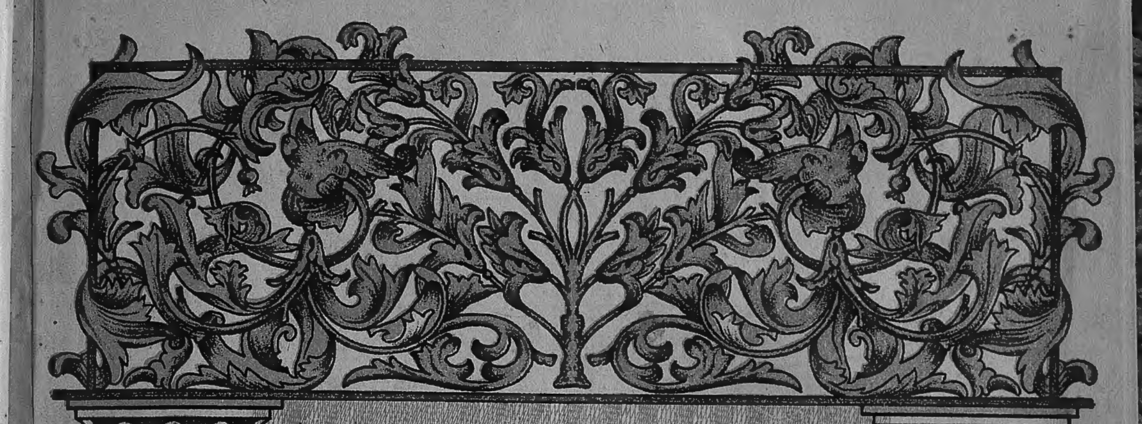

H16
48

Благословенный домъ Романовыхъ

и участіе Казанскаго края

въ избраніи боярина

Михаила Θеодоровича Романова

на Московское государство.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

и участіе Казанскаго края

ВЪ ИЗБРАНІИ БОЯРИНА

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА

на Московское государство.

Составилъ Н. А. Спасскій.

КАЗАНЬ.
Изданіе редакціи Циркуляра при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа.
1913.

Печатано по распоряженію Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1913.

Благословенный Домъ Романовыхъ и участіе Казанскаго края въ избраніи боярина Михаила Өеодоровича Романова на Московское царство.

«Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Самъ Иванъ, сударь Васильевичъ;
Онъ три царства покорилъ себѣ:
Астраханское да Казанское,
Да великое царство Сибирское;
Казань—городъ мимоходомъ взялъ...
Покорилъ онъ царя со царицею

А и того ли царства Казанскаго.
А царица съ радостью московскаго князя встрѣчала,
Того ли Ивана, сударь Васильевича прозрителя.
И за то онъ царицу пожаловалъ:
Онъ привелъ ее въ вѣру крещеную.
А за гордость царя Симеона Казанскаго
А и тутъ онъ снялъ съ него царскую корону,
Онъ царскій костыль его въ руки взялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство;
И тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ ей великая слава».

Нар. пѣсня.

Таковы слова народной пѣсни, связывающія воцареніе въ Москвѣ предпослѣдняго Рюриковича, Ивана Васильевича IV— «прозрителя» съ завоеваніемъ Казанскаго царства. Покоритель татарскаго ханства ввелъ его въ составъ «Московскаго царствія» подъ именемъ «великаго государства Казанскаго», сталъ царемъ Казанскимъ, оставилъ въ немъ своего намѣстника князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, одного изъ героевъ покоренія Казанскаго царства, потомка св. великаго князя Владимира. Дочь этого перваго н амѣстника царя православнаго Евдокія Александровна была замужемъ за шуриномъ Царя Ивана Васильевича славнымъ «старымъ дядюшкой» Никитой Романовичемъ Захарьинымъ; въ числѣ ея сыновей былъ любимецъ народный Ѳеодоръ Никитичъ, отецъ основателя династіи Романовыхъ царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи великій государь святѣйшій патріархъ Московскій всея Руси

Такимъ образомъ на зарѣ своего существованія, какъ государства Московскаго царствія, Казань Промысломъ Божіимъ была связана съ родомъ Романовыхъ, а народная пѣсня вручила царю Іоанну IV знаки царскаго достоинства и титулъ царя, какъ наслѣдіе Казанскаго царства.

Грозный царь «прозритель» былъ выдающимся государемъ своего времени. Не даромъ историки называютъ его предшественникомъ великаго царя Петра Перваго, претворившаго въ дѣйствительность идеи своего предка; не даромъ славный потомокъ во многомъ походилъ на своего пращура. Рожденіе царя Грознаго ожидалось съ напряженіемъ, сопровождалось прорицаніями:

говорили, что «родился Титъ широкій умъ», что онъ покоритъ Казань и смиритъ «исконное во отечествіи и гордынное о благородствѣ мятежное боярское шатаніе». Такъ оно и случилось.

Царь Іоаннъ IV.

И вотъ «прозритель», расширяетъ Московское царство обширными завоеваніями, наводитъ грозу на Крымъ, казаковъ, заводитъ торговыя сношенія съ Англіей чрезъ Архангельскъ, устраивая портъ, стремится прорубить новое окно въ Европу путемъ завоеванія Ливоніи, пытается вернуть Руси ея отчины и дѣдины: западно-русскія области. Онъ сносится съ папой, австрійскимъ императоромъ, съ Даніей. Поляки приглашаютъ его на польскій престолъ, чтобы соединить Польшу съ Москвой.

«Ужъ какъ сталъ то
Грозный царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить,
Чужи страны съ ней сводить».
Н. П.

Царь-завоеватель является и мудрымъ администраторомъ: онъ первый пытается уничтожить средостѣніе между царемъ и народомъ: учреждаетъ земскіе соборы; онъ пытается исправить нестроенія въ жизни церковной путемъ созыва «освященныхъ соборовъ»; онъ устроитель русской земщины, народнаго самоуправленія, онъ мудрый колонизаторъ, покровитель торговли, промысловъ, судоходства на Волгѣ, творецъ новаго судебника, сторонникъ народнаго права; онъ самый образованный человѣкъ своего вѣка, основатель печатнаго дѣла на Руси, и самъ талантливый писатель. Даже въ своей борьбѣ съ «гордынными княжатами», не желавшими разставаться съ мыслью быть государями въ своихъ вотчинахъ, онъ являлся лишь орудіемъ идеи самодержавія, государевой власти, ведя борьбу со всѣми «скорбными чертами жертвы», «души страдающей и бурной», выдвигая слабыхъ противъ сильныхъ, и мы по всей справедливости должны слѣдовать за русскимъ народомъ въ его взглядѣ на Грознаго царя, воспѣтаго имъ въ своихъ пѣсняхъ, какъ царя-богатыря, народнаго героя, чуткаго къ добру и злу, къ неправдѣ, готоваго исправить свое прегрѣшеніе, выводящаго измѣну идеѣ государственнаго единства. Установитель «царскаго чина къ тому-же и *грозы*»,

«Православный Царь Иванъ Васильевичъ
Онъ грозенъ, батюшка, но и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ,
За неправду вѣшаетъ».

Н. П.

Бракъ царя-завоевателя съ «юницей», кроткой, доброй, ласковой Анастасіей Романовной Захарьиной, приблизившей къ царю своего брата Никиту Романовича, былъ счастіемъ для Россіи, запечатлѣлся въ памяти народной и связалъ родъ Романовыхъ съ трономъ. Семья Романовыхъ является вѣрнымъ стражемъ, «оберегателемъ» царя въ его борьбѣ съ «княжьемъ». «Грѣхи и темныя дѣянья», послѣдовавшія за смертію царицы Анастасіи, не могли затмить въ памяти народной «трудовъ, славы и добра» Грознаго царя; привели къ тому, что еще ярче засіялъ образъ «беззлобливой и милостивой царицы», а народная любовь къ ней перешла на ея брата, на его семью, и царскій шуринъ Никита Романовичъ, соединявшій въ себѣ умъ, твер-

дость и смѣлость съ добротою и справедливостью, явился въ народной пѣснѣ богатыремъ, оберегателемъ царскихъ дѣтей, т. е. своихъ племянниковъ отъ послѣдствій гнѣва опальчиваго царя-отца.

И до конца дней своихъ этотъ богатырь-бояринъ сумѣлъ сохранить любовь своего царственнаго зятя, которому вѣрно служилъ, но не прислуживался, не былъ въ опричнѣ, преобразованной въ 1580 г. въ дворъ. а оставался надежнымъ и вѣрнымъ царю бояриномъ въ земщинѣ, не участвуя ни въ пирахъ царя, ни въ дѣлахъ его опалы, не смотря на все приближеніе къ нему; напротивъ онъ оберегалъ царя отъ грѣха, что запечатлѣно народной памятью. Доброта и человѣчность Никиты

Царь Петръ Великій.

Романовича проявлялись не только въ царской думѣ, но и на поляхъ брани, гдѣ онъ, искусный воевода, былъ въ тоже время великодушнымъ побѣдителемъ, щадившимъ населеніе завоеванныхъ областей. Завѣдуя обороной «Юга» съ его безпокойнымъ населеніемъ, Никита Романовичъ своею справедливостью, заботливостью о нуждахъслужилыхъ людей и привѣтливымъ обращеніемъ доставилъ себѣ необыкновенную популярность среди пришлаго населенія этого «Юга». Народная пѣсня дѣлаетъ Никиту Романовича «старымъ дядюшкой», заставляетъ прибѣгать къ его помощи всюду, гдѣ послѣдняя нужна. Онъ служитъ народу не только въ эпоху царя Грознаго, но и въ эпоху смуты, помогаетъ Скопину - Шуйскому противъ Литвы, то

обращается въ сѣраго волка и «выторкиваетъ глотки» у вражескихъ коней, то дѣлается горностаемъ и «выщелкиваетъ» замочки у ружей непріятеля, По народной пѣснѣ «хитрость-мудрость» Никиты Романовича укрощаетъ похвальбу чужеземнаго княжича Мастрюка чрезъ выставленныхъ «дядюшкой» братьевъ Борисовичей; бояринъ спасаетъ царевича Ѳеодора отъ напрасной смерти, отнимая его изъ рукъ Малюты, и тѣмъ радуетъ Царя-Грознаго, уже раскаявшагося въ неосторожно отданномъ приказѣ.

«Царь цѣловалъ его въ уста сахарныя
И вскричалъ зычнымъ голосомъ:
А и чѣмъ боярина пожаловати,
А и стараго Никиту Романовича?»

«Старый Никита Романовичъ» отказывается отъ сребра-золота, городовъ съ селами, а проситъ одной милости: грамоты тарханныя:

«А ты пожалуй Микитину вотчину:
Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивать».

Смерть Грознаго царя не измѣнила положенія богатыря-боярина. Умирающій царь учредилъ совѣтъ при своемъ наслѣдникѣ, гдѣ первое мѣсто принадлежало «старому дядюшкѣ». Послѣдній первенствовалъ въ управленіи страной при царѣ-племянникѣ до самой своей смерти въ 1585 г. Богу угодно было связать родъ Романовыхъ съ царскимъ домомъ неразрывными узами, подготовляя его на царство.

Славный бояринъ имѣлъ отъ своей супруги княжны Евдокіи Александровны Горбатой-Шуйской 6 сыновей и 7 дочерей, Всѣ они были люди способные и энергичные; получили отъ отца огромное достояніе въ обширныхъ вотчинахъ въ Муромскомъ, Владимирскомъ, Юрьево - Польскомъ, Ярославскомъ уѣздахъ, въ Костромскомъ краѣ, въ Бѣжецкомъ верху, въ Новгородской области, въ Москвѣ, Вязьмѣ, Твери, въ Калужскомъ, Епифанскомъ, Ряжскомъ, Данковскомъ, Елецкомъ уѣздахъ, на Унжѣ и на «Югѣ».

Юный царь покровительствовалъ семьѣ Романовыхъ, тѣмъ болѣе, что царскій шуринъ Б. Годуновъ дружилъ съ старымъ

лядюшкой, даже взялъ на себя «соблюденіе о чадѣхъ» умиравшаго Никиты Романовича. Посему сначала Никитичи жили съ Годуновымъ въ «завѣщательномъ союзѣ дружбы», перероднились съ знатнѣйшими въ государствѣ фамиліями: Черкасскими, Голицыными, Слуцкими, Лыковыми, Шестовыми, Шереметевыми и др. Какъ двоюродные братья царя Θеодора, они составляли могущественнѣйшій, первенствующій и самый древній родъ въ Московской землѣ, но держали себя скромно и были всѣми любимы. Среди нихъ первенствовалъ старшій сынъ московскій красавецъ Θеодоръ Никитичъ.

Патріархъ Филаретъ.

Это былъ человѣкъ здоровый, статный молодецъ, красиво одѣвавшійся, со всѣми привѣтливый, приводившій въ восторгъ толпу, когда показывался верхомъ на конѣ. Пытливый и широкій умъ отличалъ Θеодора Никитича, выражался въ его голубыхъ глазахъ и открытомъ взглядѣ. Онъ зналъ латинскій языкъ, былъ намѣстникомъ въ Н.-Новгородѣ и членомъ боярской думы. Двоюродный братъ царя, онъ наслѣдовалъ народную любовь отъ своего замѣчательнаго отца. Молодой бояринъ любилъ охоту, птицъ ловчихъ, собакъ, и предавался ей въ своихъ костромскихъ вотчинахъ. Θеодоръ Никитичъ былъ женатъ на княжнѣ Ксеніи Ивановнѣ Шестовой (Шестуновой), связавшей мужа родствомъ съ боярами Салтыковыми, Морозовыми, Она то и принесла мужу въ приданое село Домнино.

Отъ этого брака и родился 12 іюня 1596 г. основатель династіи Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

Недолго пришлось ребенку пользоваться отцовской лаской въ родительскомъ домѣ. Династія Рюриковичей угасала, и вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась на Руси смута и разруха, прекратившаяся тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ съ семьею царя Іоанна Грознаго, какъ племянника послѣдняго царя Θеодора Іоанновича, продолжателя демократическаго полновластія Грознаго, въ противовѣсъ владѣтельному княжью, такъ какъ дѣло Грознаго царя еще не было закончено.

Со смертью царя Θеодора Іоанновича княжье подняло голову, а усиленная демократизація землевладѣнія поколебала экономическіе устои Московскаго государства. Княжата не хотѣли признавать себя побѣжденными. Происходила борьба. Помѣщики старались прикрѣпить къ землѣ крестьянъ, а послѣдніе устремились отъ холопства на окраины, въ дикое поле, образовали вольныя станицы, появились вольные, гулящіе люди, воры. Въ 1598 г. угасъ Θеодоръ Іоанновичъ, не оставивъ прямого наслѣдника. Народная любовь выдвинула кандидатуру своего любимца: двоюроднаго брата царя, прежняго друга Б. Годунова боярина Θеодора Никитича Романова. Эта кандидатура поддерживалась даже и московской знатью, предпочитавшей родъ Романовыхъ потомству татарскаго мурзы Чета. Въ народѣ ходила молва, что умирающій царь передалъ скипетръ своему двоюродному брату Θеодору Никитичу, отказалъ ему царскій престолъ. Но Борисъ Годуновъ не дремалъ. Опираясь на земское избраніе, на благословеніе своей сестры, царицы Ирины, пользовавшейся народнымъ расположеніемъ за кротость и доброту, «изрядный правитель, содержатель великихъ государствъ Казанскаго и Астраханскаго, наслѣдникъ казанскій и астраханскій» беретъ «вѣнецъ и бармы Мономаха», выставляя за основаніе для этого свое «свойство» съ угасшей династіей. Боярину Θеодору Никитичу жалуется санъ «крайчаго». Поневолѣ пришлось признать совершившійся фактъ. Проходитъ всего два года, и вотъ въ концѣ 1600 г. надъ семьею Романовыхъ разразилась царская опала: Θеодоръ Никитичъ насильственно постригается въ монахи подъ именемъ Филарета, его жена Ксенія Ивановна и теща Марія Шестова подвергаются тому же постриженію, всѣ разсылаются по отдаленнымъ монастырямъ. Сослали въ ссылку

и остальныхъ сыновей Никиты Романовича, гдѣ нѣкоторыхъ и умертвили. Романовыхъ обвинили въ томъ, что они «хотѣли взять царство вѣдовствомъ и кореньемъ», что жена Өеодора Никитича совѣтовалась съ братьями своего мужа, «какъ бы извести царя и весь его домъ». И вотъ пущены были въ ходъ «вѣдовство и коренье», и извѣты холоповъ. Конечно, московская знать трудно свыкалась съ воцареніемъ даровитаго, умнаго и опытнаго правителя. Шестовы не могли примириться съ этимъ и позволяли себѣ выражать среди родни неудовольствіе на царя Бориса, заявляяя о несомнѣнныхъ правахъ Өеодора Никитича на царство, какъ Рюриковича по бабушкѣ и двоюроднаго брата по крови царю Өеодору Іоанновичу. Но этимъ дѣло и кончилось. Между тѣмъ подозрительный царь разметалъ семью Романовыхъ: Өеодоръ Никитичъ былъ заточенъ въ отдаленномъ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ старца Филарета, его супруга Ксенія Ивановна, теперь инокиня Марөа, была сослана въ Заонежье, ея мать княгиня Марія Шестова была заточена въ Чебоксарскомъ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена подъ именемъ Марөы и нашла себѣ могилу; бояринъ Александръ Никитичъ попалъ въ Усолье, Михаилъ Никитичъ въ Пермскій край, Василій—въ Яранскъ, а Иванъ—въ Пелымъ. Даже малолѣтнія дѣти Өеодора Никитича подверглись опалѣ: ихъ, въ томъ числѣ и малютку Михаила Өеодоровича, съ сестрой и теткой Анастасіей Никитичной сослали въ заключенье въ Бѣлое озеро. На мѣстѣ ссылки Александра Никитича удушили горячей баней, Михаилъ Никитичъ, заключенный близъ Ныроба въ особую землянку, въ плечные, ручные и ножные кандалы, былъ потомъ удавленъ, и надъ его могилой выросли два кедра. Василій Никитичъ изъ Яранска потомъ былъ увезенъ въ Пелымъ и заточенъ вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Никитичемъ; здѣсь онъ и скончался 15 февраля 1602 г.

Въ сентябрѣ 1602 г. дѣтямъ Өеодора Никитича позволено было поселиться въ родной вотчинѣ «Клинахъ», гдѣ приставъ Бужевъ давалъ ссыльнымъ «молока и яицъ не отъ велика». Будущій самодержецъ всея Руси такимъ образомъ въ дѣтствѣ долженъ былъ вынести лишенія даже и въ пищѣ. Младшіе Никитичи тоже скоро получили полегченіе, но участь старца Филарета, его жены и тещи по-прежнему была тяжелой, и только со смертью царя Бориса Годунова старецъ Филаретъ и его семья получили свободу и почести. Но всѣ эти страданія

семьи Романовыхъ придали этому роду еще большую народную славу, ореолъ мученичества за правду, за государево дѣло, что и выразилось въ событіи 21 февраля 1613 г.

Государственный умъ Годунова, его опытность не спасли Русь отъ смуты и разрухи. Онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ верхахъ, въ знати, не прощавшей ему татарскаго происхожденія, и въ низахъ, которые онъ думалъ прикрѣпить къ землѣ; средніе же слои населенія еще не были тогда сорганизованы и крѣпки. Еще при царѣ Іоаннѣ IV по Волгѣ гуляли голутвенные люди, казаки и другіе «воры»; это бѣгство отъ тягла еще болѣе усилилось въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича послѣ уничтоженія Юрьева дня и въ правленіе царя Бориса Ѳеодоровича: въ голодные годы. Разбойничьи шайки воровъ вели съ царскими войсками правильные бои и наводили страхъ на города, воеводъ, и самого царя, Нуженъ былъ лишь кличъ, чтобы они соединились. Такимъ кличемъ было появленіе самозванца. Глухое недовольство народа на сложившійся при Годуновѣ хозяйственный и общественный укладъ бросило династію Годунова въ пучину бѣдствій. Самъ царь Борисъ неожиданно скончался, а его многообѣщавшій наслѣдникъ Ѳеодоръ былъ сведенъ съ престола и погибъ вмѣстѣ съ матерью. Наступила самозванщина, смута народная, вызвавшая разруху государственную, и Московское царство пало-бы, еслибы въ немъ не существовало здоровыхъ элементовъ въ лицѣ духовенства и купечества: эти сословія спасли Русь, выдвинувъ на царскій престолъ сына народнаго героя Михаила Ѳеодоровича.

Первый самозванецъ вернулъ Филарета изъ ссылки, и освященный соборъ сдѣлалъ его митрополитомъ Ростовскимъ; инокиня Мароа поселилась съ своимъ 10 лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ сначала въ Ростовѣ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ пережила ужасы осады 1611—1612 годовъ. Скоро сошелъ со сцены первый Лжедимитрій, и въ маѣ 1606 г. былъ выкрикнутъ толпою приверженцевъ хитрый и коварный бояринъ Василій Шуйскій; но онъ не спасъ Руси, а еще болѣе вовлекъ ее въ бѣдствія вмѣшательствомъ въ русскую смуту иностранцевъ. На сцену явился бѣглый холопъ Болотниковъ съ самозванцемъ лже-Петромъ, будто бы сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича; онъ собралъ вокругъ себя такихъ же, какъ и онъ, холоповъ, крестьянъ, даже украинскихъ дѣтей боярскихъ и городовое, т. е.

провинціальное дворянство и подошелъ къ Москвѣ. Не успѣлъ царь Василій покончить съ этимъ движеніемъ низовъ противъ верховъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, какъ появился новый самозванецъ, впослѣдствіи Тушинскій воръ «добывать себѣ царство»; онъ захватилъ себѣ Марину, привелъ на Русь поляковъ и казаковъ, осадилъ Троице-Сергіеву лавру и плѣнилъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича.

Явились царь на Москвѣ да царь въ Тушинѣ и московскіе перелеты. Поднялась волжская вольница и казачество. Царь Василій дѣятельно боролся со смутой, при помощи возведеннаго 3 іюля 1606 г. въ патріархи казанскаго митрополита Гермогена и своего даровитаго племянника М. В. Скопина-Шуйскаго. Послѣдній явился на выручку Москвы съ ополченіемъ сѣверныхъ городовъ и шведскимъ наемнымъ отрядомъ, освободилъ столицу отъ Тушинскаго царька, тѣмъ пріобрѣлъ любовь народа, воспѣвшаго героя въ своихъ пѣсняхъ. По этимъ пѣснямъ на помощь Скопину-Шуйскому—является «старый дядюшка» Никита Романовичъ и помогаетъ бороться противъ литвы. Царемъ Василіемъ отправляются войска подъ командой Шереметева для усмиренія нижняго Поволжья.

Но князь Скопинъ-Шуйскій неожиданно умираетъ. Это несчастіе сводитъ царя Василія съ престола 17 іюля 1610 г., и Русь ввергается въ бездну трехлѣтняго междуцарствія, изъ котораго выводится никѣмъ инымъ, какъ патріархомъ Гермогеномъ, призвавшимъ на защиту вѣры и народности «послѣднихъ людей» Московскаго царства. Въ то время какъ московское боярство думало отдать страну подъ власть польскаго королевича Владислава и тѣмъ ввергало ее во власть поляковъ, отдавъ имъ столицу, духовенство и средній классъ соединились съ помѣстнымъ среднимъ дворянствомъ, и Русь была спасена, а на царскомъ престолѣ возсѣлъ сынъ народнаго любимца царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Можно было подумать, что страна погибала отъ безначалія. Новгородъ захватывали шведы, во Псковѣ былъ свой самозванецъ, поляки осадили Смоленскъ, въ украинскихъ городахъ поднялось казачество, на понизовой Волгѣ—голутвенные люди, а самую Москву захватилъ польскій отрядъ и диктовалъ свою волю измѣнникамъ боярамъ, искавшимъ для себя возстановленія правъ и вольностей, на подобіе шляхетскихъ въ Польшѣ. Только голосъ «поборателя за землю Русскую» патріарха Гермогена звучалъ по Руси, какъ

вѣчевой колоколъ, онъ призывалъ ее къ единенію на защиту вѣры, народности и государства. Это былъ звонъ набатнаго колокола, извѣщавшій страну объ общественномъ бѣдствіи. И услыхали этотъ голосъ сначала Рязань, потомъ Нижній-Новгородъ и Казань, Кострома и Ярославль и друг. города верхняго поволжья, и 22 октября 1612 г. Москва была освобождена отъ вражьихъ силъ. Силы народныя сплотились; отдѣльныя «государства» во-очію сознали весь вредъ отъ того, что «брели розно», явилось сознаніе единства недѣлимой Россіи, какъ государственной величины. Ясно была сознана настоятельная необходимость въ царской власти, какъ основаніи и центрѣ единенія областей.

Въ этомъ то великомъ дѣлѣ принимаютъ горячее участіе, стоятъ во главѣ подвига наши казанскіе люди: патріархъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій Ефремъ, бывшій монахъ старецъ свіяжскаго Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, свіяженинъ Родіонъ Моисеевъ, а надъ всѣмъ ихъ дѣломъ сіяетъ благословеніе Заступницы, Царицы Небесной, казанскій образъ (списокъ) Которой былъ сначала въ первомъ ополченіи, по завѣту патріарха Гермогена, будучи принесенъ казанцами, бывшими въ этомъ ополченіи. Второй разъ онъ былъ съ ополченіемъ Пожарскаго, и по сказанію лѣтописца были многія чудеса отъ того образа за время какъ перваго, такъ и второго ополченія.

Помянемъ же доброй памятью этихъ защитниковъ и освободителей родной страны.

Среди славныхъ людей Казанскаго края имя святителя Гермогена сіяетъ особенно лучезарно, какъ святого мужа и великаго патріота, «положившаго душу свою за други своя». Это русскій Леонидъ XVII вѣка. По одному преданію святитель былъ казанскій урожденецъ, воспитанникъ разсадника христіанскаго просвѣщенія края—Спасопреображенскаго монастыря, ученикъ св. Гурія и Варсонофія, по другому—онъ выходецъ съ Дона, только старожилъ казанскій. То же преданіе дѣлаетъ его послушникомъ названнаго монастыря, затѣмъ діакономъ, священникомъ Казанской Никологостиной церкви. Въ 1579 г. ему было около пятидесяти лѣтъ. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ, рѣшительными движеніями и пронзительнымъ взглядомъ, принадлежалъ по роду видимо къ посадскимъ людямъ; былъ женатъ, имѣлъ дочь замужемъ въ

Вяткѣ за посадскимъ человѣкомъ Корниліемъ Рязанцевымъ. Въ бытность Гермогена въ Казани скончались три свѣтильника казанской церкви св. Гурій (1863 г.), св. Германъ (въ 1567 г. въ Москвѣ) и св. Варсонофій (1576 г.). Угасли свѣточи, и «источника цѣлебнаго не бѣ тогда въ Казани». Богъ посѣтилъ городъ пожаромъ, спалившимъ царскій дворецъ, торговые ряды, большую часть посада и храмъ Николы Гостина. Въ милость и прощеніе, и наставленіе Богъ послалъ городу икону Божіей Матери, сразу сдѣлавшуюся центромъ христіанскаго воодушевленія въ городѣ. Па мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Даніила Онучина и явилась св. икона. Первый, кто обрѣлъ,

Патріархъ Гермогенъ.

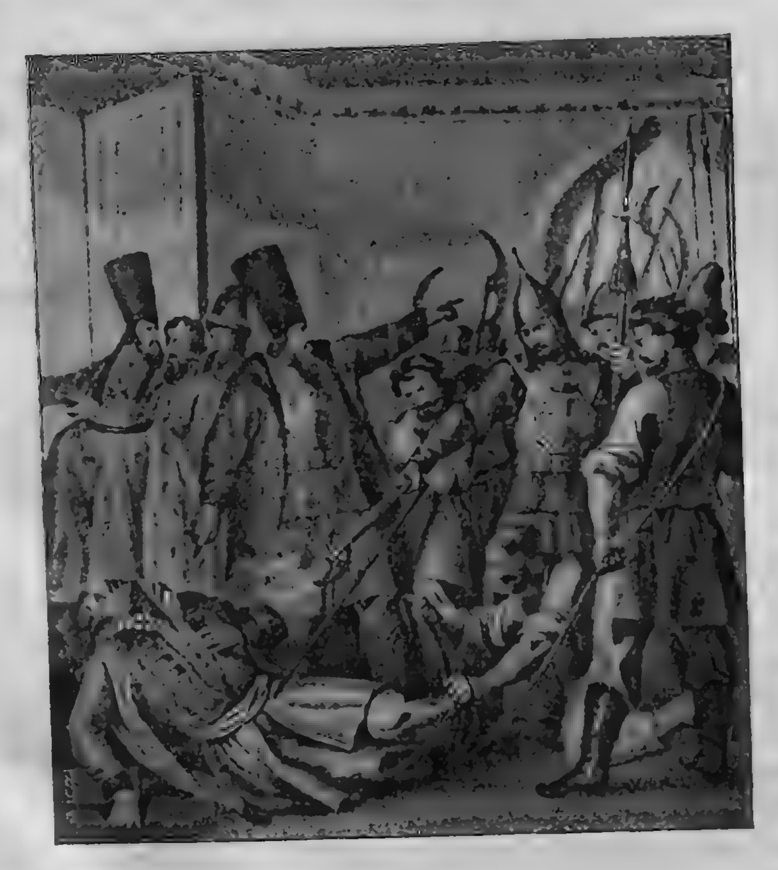
подъялъ св. икону изъ земли, объявилъ народу, поставилъ въ храмѣ св. Николая Тульскаго,—былъ «по чину поповсту святого Николы, иже зовется Гостинъ», Гермогенъ; онъ же описалъ явленіе св. иконы и чудеса отъ св. лика. Со смертью жены, Гермогенъ постригается въ монахи, а въ 1587 году мы видимъ его уже въ санѣ архимандрита Спасопреображенскаго монастыря «И мнѣ, непотребному, пишетъ св. Гермогенъ, въ той святой обители пятому по немъ (т. е. Варсонофіи) быти, на мѣстѣ его стояти и жезлъ его въ свою руку держати». Около 3 лѣтъ

пробылъ святитель настоятелемъ дорогого ему монастыря, заботясь объ его благоустройствѣ послѣ пожара и воздвигъ каменный здѣсь храмъ, а въ 1589 г. онъ уже былъ казанскимъ святителемъ, принялъ жезлъ св. Гурія и былъ наименованъ митрополитомъ казанскимъ и астраханскимъ. Семнадцать лѣтъ святой старецъ держалъ съ честью святительскій жезлъ св. Гурія, проявилъ себя ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства, совѣтникомъ воеводъ, охранителемъ русскихъ интересовъ въ краѣ, покровителемъ христіанъ-инородцевъ. Съ именемъ этого святителя соединяется построеніе Казанскаго женскаго монастыря, возобновленіе Никологостиной церкви, построеніе Михаилоархангельской, Борисоглѣбской, Дмитріевской церквей.

Онъ обрѣлъ и осязалъ, и прославилъ нетлѣнныя мощи св. Гурія и Варсонофія, перенесъ мощи св. Германа изъ Москвы въ Свіяжскъ, написалъ житія этихъ казанскихъ свѣтильниковъ; имъ же были составлены житія и прославлены казанскіе мученики Іоаннъ, Стефанъ, Петръ; онъ первый установилъ поминовеніе воиновъ, падшихъ подъ Казанью. Особенно заботился святитель о новокрещеныхъ инородцахъ, отдѣлилъ ихъ отъ некрещеныхъ въ особыя слободы. Преимущественное вниманіе онъ обращалъ на построеніе храмовъ въ селеніяхъ и монастыряхъ, и въ 1604 г. имъ былъ освященъ каменный храмъ въ Свіяжскомъ Троицкомъ, нынѣ Предтеченскомъ монастырѣ, а также храмъ въ основанномъ царемъ Борисомъ дворцовомъ селѣ Борисоглѣбскомъ.

Скончался царь Борисъ, и на престолъ сѣлъ Лжедимитрій І. Святителя вызвали въ столицу для засѣданія въ сенатѣ, преобразованномъ изъ боярской думы. И здѣсь новому исповѣднику пришлось стать на защиту православія, открыто заявить самозванцу: «Христіанину царю непристойно брать замужъ неправославную, вводить ее въ святую церковь и строить для нея римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь! Изъ прежнихъ русскихъ царей никто такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать». Святитель казанскій потребовалъ, чтобы панна Марина оставила католичество прежде вѣнчанія; иначе бракъ царя съ нею будетъ беззаконіемъ на Руси. Святителя выслали въ Казань съ приказаніемъ «санъ святительскій съ него сняти и въ монастырь заточити; но милостью Божіею сохраненъ бысть до умертвія Растригина». 17 мая 1606 г. Лжедимитрія не стало, а 3 іюля св. Гермогенъ сталъ патріархомъ Московскимъ. Его посвятили

русскіе іерархи и вручили посохъ Петра чудотворца. Вступившій на царскій престолъ князь Василій Шуйскій намѣтилъ было въ патріархи ростовскаго митрополита Филарета Никитича и даже отправилъ его въ качествѣ нареченнаго патріарха въ Угличъ открывать мощи св. Дмитрія царевича; но народные толки, что царство должно по праву родства съ царемъ Гроз-

Убіеніе Лжедимитрія I.

нымъ принадлежать Романовымъ, заставили осторожнаго царя воздержаться отъ возвышенія митрополита Филарета, и патріархомъ сталъ казанецъ Гермогенъ, «мужъ словесенъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ, о божественныхъ же словесехъ всегда упражняется и вся книги ветхаго завѣта и новыя благодати и уставы духовные до конца извыче».

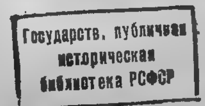
Казалось, сама судьба послала царю Василію сильнаго духомъ человѣка, одареннаго огромнымъ умомъ, пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ кипучей энергіей и безпримѣрнаго патріота, борца за религіозную и политическую самостоятельность. Онъ отлично понялъ, въ чемъ спасеніе отечества, принесъ себя въ жертву, какъ зерно горчичное, тѣмъ спасъ погибавшую отъ лихолѣтья отчизну и ея самобытность. Съ перваго же шага святитель сталъ на сторону царя Василія, началъ доказывать правильность его избранія, хотя отлично понималъ, что Шуйскій былъ избранъ лишь одною Москвою, выкрикнутъ на площади, а не земскимъ соборомъ, въ чемъ была роковая его ошибка. 17 февраля 1609 г. враги царя потащили патріарха изъ Успенскаго собора на Лобное мѣсто, обсыпая пескомъ, соромъ, стали здѣсь читать грамоту о смѣщеніи царя съ престола, какъ сѣвшаго на послѣдній безъ согласія Земли. Но злодѣи услыхали слѣдующія уничтожающія рѣчи святителя: «Сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне, и служивые люди; да если бы онъ, царь, вамъ и не угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и безъ всенароднаго собранія съ царства свести... До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ, и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властьми, и крестъ ему цѣловала вся земля, а вы немногими людьми востали на царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ и не вѣдаетъ, и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ». Мятежники ушли. Патріархъ возвысилъ свой голосъ противъ воровского заводчика Болотникова и князя Шаховскаго, разсылавшихъ грамоты отъ имени будто бы спасшагося Лжедимитрія, призывавшихъ холоповъ и крестьянство добывать волю и свободу отъ тягла, бить бояръ, купцовъ и дьяковъ, отбирать имущество у боярства. Патріархъ разослалъ грамоты, объявляющія о погибели Лжедимитрія, призывающія стоять «за благочестиваго царя и побораталя по православной вѣрѣ». Онъ приказалъ духовенству всюду пѣть молебны о здравіи Богомъ вѣнчаннаго царя, и на заявленія, что Шуйскаго выбрала одна Москва, отвѣчалъ: «Изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему цѣловала вся

земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить. Доселѣ ни Казань, ни Астрахань, ни Новгородъ, ни Псковъ и никакіе другіе города Москвѣ не указывали, а указывала Москва всѣмъ». Отъ вора отстало городовое дворянство, и дѣло его было проиграно. Но вотъ объявляется новый воръ: Лжедимитрій II, разсылаетъ «прелестныя грамоты» по Украйнѣ, Поволжью, объявляетъ волю и свободу отъ податей, всякія льготы служилымъ людямъ, подвигается къ Москвѣ, располагается въ Тушинѣ и окружаетъ столицу кольцомъ своихъ приверженцевъ. Онъ насильно захватываетъ въ плѣнъ митрополита Филарета и объявляетъ его нареченнымъ патріархомъ Московскимъ и всея Руси. Находясь въ Тушинѣ, «Филаретъ не склонялся ни направо, ни налѣво», совершалъ церковныя службы. Патріархъ Гермогенъ въ грамотахъ заявлялъ, что Филаретъ не своею волею, а по нуждѣ находится въ Тушинѣ и за это не порицаетъ его, а молитъ за него Бога.

Польскія войска новаго самозванца, казаки и русскіе измѣнники ведутъ продолжительную осаду Троицесергіевской лавры. Но царь находитъ поддержку въ новомъ патріархѣ и даровитомъ воеводѣ своемъ племянникѣ князѣ М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ. Святитель Іовъ и Гермогенъ публично убѣждаютъ москвичей не нарушать крестнаго царю цѣлованія, усердно молятъ о соединеніи и устроеніи въ царствѣ. Св. Гермогенъ отвергаетъ всякія попытки свести царя Василія съ царства, заявляя, что онъ поставленъ Богомъ, никакого неистовства за нимъ не знаютъ, и вины за царемъ нѣтъ. Онъ пишетъ увѣщательныя грамоты тушинскимъ перелетамъ «бывшимъ православнымъ христіанамъ, а нынѣ, не вѣдаемъ, какъ назвать: помилуйте свои души и души родителей своихъ, вразумитесь... Преступивъ крестное цѣлованіе вы отъѣхали, измѣнивъ государю, царю и всей землѣ, особенно Богу». Онъ заклиналъ ихъ отстать отъ своего начинанія, обѣщая прощеніе царское.

Собираются на сѣверѣ войска, нанимается шведскій отрядъ, они являются къ Москвѣ, и столица, Троицкій монастырь освобождены отъ Тушинскаго вора въ февралѣ 1610 г. Судьба однако немилостива къ царю Шуйскому. Польскій король задумалъ воспользоваться русской разрухой и осадилъ Смоленскъ, а народный любимецъ князь Скопинъ-Шуйскій внезапно скончался. Москва извѣрилась Шуйскому, а побѣда польскаго гетмана Жолкѣвскаго надъ русскими 10 іюля 1610 г. довершила

2

дѣло. Дворяне съ братьями Ляпуновыми во главѣ свели царя Шуйскаго съ престола, не смотря на протестъ патріарха Гермогена, не признававшаго и насильственнаго постриженія несчастнаго царя. Святитель плакалъ, увѣщевалъ, заклиналъ удержаться отъ такого злодѣянія, объясняя, что за это Богъ накажетъ Россію. Настало господство семибоярщины съ кн. Мстиславскимъ во главѣ. Начались поиски новаго царя. Титулованное боярство сначала желало кандидата изъ княжатъ, намѣтило князя В. В. Голицына, а патріархъ и народъ, и часть духовенства упорно настаивали на сынѣ митрополита Филарета Никитича Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ племянникѣ царя Ѳеодора Іоанновича. Но самъ митрополитъ Филаретъ, чтобы избавиться отъ самозванщины, и смуты и споровъ за престолъ, еще въ бытность свою въ Тушинѣ, не смотря на строгій надзоръ за нимъ, сгруппировалъ вокругъ себя нѣсколько представителей боярскихъ и дворянскихъ родовъ нетитулованной знати; эта партія еще въ январѣ 1610 г, выработала проектъ приглашенія на русскій престолъ польскаго королевича Владислава при условіи ограниченія его власти боярской думой и земскимъ соборомъ, и полнаго сохраненія самобытности и религіи Московскаго государства. Идеи этой партіи были усвоены и въ Москвѣ послѣ паденія Тушина многими боярами и дворянами. Между тѣмъ воевода Жолкѣвскій съ поляками приближался къ столицѣ, объявивъ, что идетъ спасать Россію. Приходилось остановиться на Владиславѣ, такъ какъ Тушинскій воръ, укрѣпившись въ Калугѣ, тоже грозилъ походомъ на Москву, и города, не желавшіе Владислава, стали цѣловать крестъ этому вору. Собрали соборъ и 17 августа 1610 г. избрали Владислава на царскій престолъ. Князь Мстиславскій самъ пригласилъ Жолкѣвскаго въ Москву, и послѣдній въ своихъ грамотахъ объявилъ, что идетъ спасать отъ вора, уже стоявшаго въ с. Коломенскомъ, имѣвшаго во главѣ своего войска дворянина рязанскаго Захара Ляпунова. Напрасно патріархъ уговаривалъ членовъ собора отказаться отъ мысли о Владиславѣ: ему уступили лишь въ томъ, что потребовали отъ королевича принятія православія и покровительства послѣднему. Напрасно митрополитъ Филаретъ Никитичъ, скоро уяснившій себѣ тайныя желанія короля Сигизмунда и поляковъ, особенно Жолкѣвскаго, по приказу патріарха, выходилъ на лобное мѣсто и говорилъ народу: «Не прельщайтесь; мнѣ извѣстно королевское

злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ—хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». И это увѣщаніе осталось безъ дѣйствія. Тогда Гермогенъ сказалъ боярамъ: «Если королевичъ крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не оставитъ латинской ереси, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной вѣрѣ, и да не будетъ на васъ моего благословенія». Обѣщанія Жолкѣвскаго, что «великіе бояре будутъ у короля во всякой чести и жалованіи», прельстили послѣднихъ. Послали къ польскому королю Сигизмунду особое посольство просить отпустить сына на царство и во главѣ посольства поставили митрополита Филарета, келаря Троицкой Лавры А. Палицына и кн. В. В. Голицина, чтобы удалить ихъ изъ Москвы. 27 августа 1610 г. въ Москвѣ цѣловали крестъ Владиславу, и воровскіе зачинщики съ бояриномъ Салтыковымъ во главѣ подошли въ Успенскомъ соборѣ подъ благословеніе патріарха. Послѣдній сказалъ имъ: «Если въ вашемъ намѣреніи нѣтъ обмана, и отъ вашего замышленія не произойдетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ нашего смиренія; а если скрываете лесть, и отъ замышленія вашего произойдетъ нарушеніе православной вѣрѣ, то да будетъ на васъ проклятіе». Съ тяжелымъ чувствомъ отпускалъ патріархъ Гермогенъ посольство. Онъ сказалъ ему пламенную рѣчь, въ которой заклиналъ пословъ проявить твердость и стойкость въ защитѣ вѣры православной. Со слезами на глазахъ клялись ему послы предпочесть мучительную смерть измѣнѣ православію и родинѣ. Патріархъ далъ Филарету письменную программу дѣйствій и послалъ съ нимъ королю Сигизмунду и королевичу Владиславу отъ имени всѣхъ русскихъ грамоты, умолявшія королевича о вступленіи на русскій престолъ и въ православную вѣру. Послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава въ Москву.

Сумѣлъ угодить боярамъ хитрый Жолкѣвскій, и семибоярщина, боясь самозванца, даже отдала ему ключи отъ Кремля и Китай-города, а въ придачу гетманъ получилъ и бывшаго царя Василія съ братьями и съ этимъ трофеемъ возвратился въ Польшу. Дѣло сдѣлано, и Жолкѣвскій покинулъ Москву, оставивъ въ ней свое войско подъ командой Гонсѣвскаго.

Между тѣмъ король Сигизмундъ самъ пожелалъ сѣсть на московскій столъ, и русскіе послы за упорство были подвергнуты лишеніямъ, затѣмъ отправлены плѣнниками въ Польшу. А въ Москвѣ томилась инокиня Мароа съ юнымъ Михаиломъ, какъ заложники. Не напрасно колебался святѣйшій патріархъ Гермогенъ приглашать королевича: боярская затѣя едва не погубила Руси и православія.

Наконецъ Богъ сжалился надъ Россіей, надъ которой излился фіалъ гнѣва Божія за отступничество и всякое воровство. Лжедимитрій II былъ убитъ въ Калугѣ крещенымъ ногайскимъ княземъ Петромъ Урусовымъ, и его походъ на Москву и на Волгу не удался. Но Марина разрѣшилась въ Калугѣ отъ бремени сыномъ Іоанномъ. Началась агитація цѣлованія креста «проклятому Марины панны сыну», сторону котораго стали держать украинскіе, донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и города «Юга». Появилась идея отдѣленія востока Россіи отъ Москвы подъ покровительствомъ персидскаго шаха, стала угодной ворамъ и казакамъ, но встрѣтила отпоръ. Русскіе люди стали сноситься, какъ бы всей землѣ соединиться противъ литовскихъ людей и воровъ. Началось соединеніе поволжныхъ ратей съ Ляпуновыми во главѣ, по призыву патріарха.

Не дремали и поляки. Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ. Польскій отрядъ въ Москвѣ устроилъ костелъ въ старомъ домѣ Бориса Годунова, оскорблялъ русскія святыни и жителей. Король Сигизмундъ сталъ разсылать отъ своего имени указы, чтобы Москва присягала ему, во всемъ полагаясь на его волю. Княжата въ Москвѣ уже приготовили было въ этомъ смыслѣ грамоту королю и поднесли ее для подписи патріарху, который во время междуцарствія былъ главою церкви и страны. Старецъ отстранилъ грамоту и произнесъ «Чтобы король далъ сына своего на Московское государство и королевскихъ людей всѣхъ вывелъ изъ Москвы вонъ, и чтобы Владиславъ оставилъ латинскую ересь и принялъ греческую вѣру, къ такой грамотѣ я руку приложу и прочимъ властямъ велю приложить и васъ на то благословляю. А писать такъ, что мы всѣ полагаемся на королевскую волю, и чтобы наши послы положились на волю короля, и вамъ не повелѣваю, а если не послушаете, положу на васъ клятву: явное дѣло, что по такой грамотѣ намъ пришлось бы цѣловать крестъ самому королю». А Про-

кофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится, и литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, итти подъ Москву и померетъ всѣмъ за православную вѣру». Измѣнникъ Салтыковъ началъ поносить патріарха и въ ярости замахнулся на него ножомъ, Патріархъ сказалъ ему: «Не страшусь твоего ножа, вооружаюсь на него силою креста Христова, ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ сей вѣкъ и въ будущій». Кн. Мстиславскому онъ прибавилъ: «Твое дѣло начинать и пострадать за христіанскую вѣру; если если же прельстишься на дьявольскую прелесть, то переселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ».

Б. Салтыковъ бросается на святителя съ ножомъ.

Бояре послали грамоту только за своей подписью; но русскіе послы, не видя въ ней подписи патріарха и всего освященнаго собора, отказались повиноваться ей, заявивъ панамъ: «Мы теперь стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный; безъ патріарха теперь ни въ какомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ

нимъ совѣтывались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, да и въ вѣрующихъ грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писалъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь безъ патріарховыхъ грамотъ, по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать». И пришлось посламъ отправиться въ плѣнъ въ Польшу, а Сигизмундъ рѣшилъ дѣйствовать оружіемъ. Святитель Гермогенъ теперь не смолкалъ; онъ призывалъ къ себѣ всякихъ людей и открыто заявлялъ: «Если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру, и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не государь».

Это же онъ писалъ и въ грамотахъ во многіе города. И стали русскіе переписываться, чтобы подняться на защиту вѣры и отчизны.

На голосъ святого старца первые откликнулись смоленцы (въ январѣ 1611 г.), просили не вѣрить королю и полякамъ, предающимъ въ Смоленской области церкви православныя на поруганіе; сеймъ польскій положилъ овладѣть Московскою землею и опустошить ее; посему братья всего Московскаго государства, если хотятъ остаться православными, должны соединиться и прогнать поляковъ. Получивъ эту грамоту москвичи стали сноситься грамотами по разнымъ городамъ и призывать на защиту Москвы, гдѣ корень царства, заявляя, что за измѣнникомъ Салтыковымъ и другими идутъ немногіе, что святѣйшій патріархъ Гермогенъ прямъ, какъ пастырь, душу свою положитъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ, идутъ всѣ православные христіане. И стали города сговариваться. Нижегородцы писали въ Вологду: «27 января писали къ намъ изъ Рязани воевода Прокопій Ляпуновъ и дворяне и всякіе люди рязанской области, что они по благословенію святѣйшаго Гермогена, собравшись со всѣми сѣверными и украинными городами и съ Калугою, идутъ на польскихъ и литовскихъ людей къ Москвѣ, и намъ бы итти. И мы, по благословенію и приказу святѣйшаго Гермогена собравшись со всѣми людьми, изъ Нижняго идемъ къ Москвѣ и съ нами многіе ратные люди разныхъ окольныхъ и низовыхъ городовъ». Составилось ополченіе подъ предводительствомъ дворянина П. Ляпунова. Къ нему примкнули казаки подъ начальствомъ кн. Трубецкого и Заруцкаго, отставшіе отъ Тушинскаго вора. Земская рать осадила Москву и ляховъ.

Народное движеніе испугало семибоярщину и поляковъ въ Москвѣ. Салтыковъ съ сообщниками пришелъ къ патріарху и сказалъ: «Ты писалъ по городамъ и велѣлъ итти къ Москвѣ а теперь напиши, чтобы не ходили». Святитель отвѣтилъ: «Напишу, чтобы возвратились, если ты и всѣ находящіеся съ тобою измѣнники и королевскіе люди выйдете вонъ изъ Москвы; если же не выйдете, то благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца, ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и разореніе св. божіихъ церквей, и не могу больше слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ». Къ патріарху приставили стражу, чтобы къ нему никого не допускать, но онъ сносился чрезъ вѣрныхъ людей. Въ Вербное воскресенье выпустили святителя изъ-подъ стражи, чтобы онъ совершилъ торжественное шествіе на осляти; по площадямъ стояли ляхи и нѣмцы, а русскихъ не допустили. На страстной седмицѣ ляхи устроили рѣзню съ русскими ратниками, забравшимися въ московскія слободы подъ начальствомъ кн. Д. Пожарскаго, но были отброшены изъ Бѣлаго города, заперлись въ Кремлѣ и Китай-городѣ и зажгли городъ, кромѣ Кремля и Китай-города; королевскіе люди и русскіе воры свели Гермогена съ патріаршаго престола и заключили въ кремлѣ подъ стражу, «аки птицу въ заклепѣ. «У него дьяки и подъячіе и всякіе дворовые были поиманы, а дворъ его весь разграбленъ». Москвичи оповѣстили города о возмутительномъ гоненіи на святителя; это очень возбудило русское населеніе, и П. Ляпуновъ послалъ грамоту «къ боярамъ о патріархѣ, о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Грамота напугала бояръ. «Патріарху стало быти повольнѣе, и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали». Но ненадолго это было сдѣлано. Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ 100 т. русскихъ подошли къ стѣнамъ Бѣлаго города и осадили поляковъ; послѣдніе стали терпѣть нужду. Салтыковъ и Гонсѣвскій не разъ съ говорили святителю: «Вели ратнымъ людямъ подъ Москвою итти прочь, а если не послушаешь насъ, то велимъ уморить тебя злою смертію». Старецъ отвѣчалъ: «Все смирится, когда ты, измѣнникъ, съ своею литвою исчезнешь. Что вы мнѣ угрожаете? Единаго я Бога боюсь. Вы обѣщаете мнѣ злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Если вы всѣ, литовскіе люди, пойдете изъ Московскаго государства, я благословляю русское ополче-

ніе итти отъ Москвы, но если останетесь здѣсь, я благословляю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру». И остались измѣнники ни съ чѣмъ.

Къ сожалѣнію, русское ополченіе, подъ предводительствомъ Ляпунова, ссорилось съ казаками подъ предводительствомъ Заруцкаго и князя Трубецкого. Заруцкій думалъ о воровствѣ: онъ рѣшилъ отвести казаковъ, заведя сношенія съ Мариной, задумалъ посадить на русскій престолъ ея сына Іоанна. Это тѣмъ болѣе было возможно, что нелюбовь къ полякамъ заставляла русскихъ склоняться на сторону сына самозванца. Подбитые атаманомъ казаки убили Ляпунова. Ополченіе пришло въ разстройство, многіе ратные люди ушли по домамъ, остальные продолжали осаду, но не могли взять города. Казаки вновь принялись за свое воровство. Услышавъ объ этомъ, святитель не преминулъ въ августѣ 1911 г. написать изъ своего заключенія грамоту въ Нижній, послалъ ее съ Ратманомъ Пахомовымъ и свяженникомъ Родіономъ Моисеевымъ съ наказомъ: «Пишите въ Казань къ митрополиту Ефрему, пусть пошлетъ въ полки къ боярамъ и къ казацкому войску учительную грамоту, дабы они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство—не благословляю. Да и въ Вологду пишите къ властямъ о томъ, и къ Рязанскому владыкѣ: пусть пошлетъ въ полки учительную грамоту къ боярамъ, чтобы унимали грабежъ, сохранили братство, и какъ обѣщались положить души свои за домъ Пресвятой и за чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишите, что сына Маринки отнюдь не надо на царство; присылати же ко мнѣ прежнихъ, коихъ присылали, Р. Пахомова и Р. Моисѣева; вездѣ говорите моимъ именемъ». Вотъ какъ откликнулась Казань на тотъ призывъ. Казанцы писали пермичамъ: «Подъ Москвою промышленника и поборника по христовой вѣрѣ противъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ П. П. Ляпунова казаки убили, преступя крестное цѣлованіе. Митрополитъ и мы всѣ люди Казанскаго государства согласились съ Н.-Новгородомъ и со всѣми городами поволжными, съ горными и луговыми, и съ татарами и съ черемисою, чтобы намъ всѣмъ въ совѣтѣ и соединеніи быть и за Московское и Казанское государства стоять». Слѣдующимъ образомъ откликнулась на смерть Ляпунова народная пѣсня:

«Убили злы измѣнники воеводушку,
Того ли воеводу Прокофья Ляпунова.
Какъ и двинулись думны воеводы съ большихъ городовъ:
Все большіе города: *Казань*, *Нижній*, пришли съ войскомъ сюда,
Какъ и начали литву колоть-рубить,
Нечестиваго Гужмунда веревкой душить.
Нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.
И тѣмъ городамъ великая слава».

Между тѣмъ измѣнники бояре, заключивъ патріарха Гермогена, вывели изъ Чудова монастыря прежняго патріарха Игнатія, лишеннаго сана, и онъ въ день Пасхи (24 марта 1611 г.) служилъ имъ въ Успенскомъ соборѣ литургію. Гермогенъ былъ брошенъ въ темницу Чудова монастыря, его держали подъ строгою стражею, морили голодомъ, питая хлѣбомъ съ водою, никого къ нему не пускали. Сюда-то спускался къ нему Гонсѣвскій съ угрозами: «Ты, Гермогенъ главный заводчикъ всего возмущенія. Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что охранитъ тебя твой санъ». Но великій казанецъ открыто шелъ на мученничество за родину. И 17 февраля 1612 г., пробывъ болѣе 9 мѣсяцевъ въ заключеніи, скончался страдалецъ за вѣру и землю, по однимъ свѣдѣніямъ былъ уморенъ голодомъ, по другимъ задохся отъ зноя, а по польскимъ извѣстіямъ былъ удавленъ.

Но зерно горчичное, умерши, многъ плодъ сотворило: совершилось великое начинаніе святителя: разруха кончилась. Какъ только разнеслась вѣсть о сожженіи Москвы и заключеніи патріарха измѣнниками и литвою, началось новое земское движеніе, во главѣ котораго стала Троицкая Лавра. Ея настоятелемъ былъ ставленникъ Гермогена архимандритъ Діонисій, его любимецъ за умъ, благочестіе и вѣрность долгу. Діонисій почти постоянно находился при Гермогенѣ, участвовалъ въ его совѣтахъ, ратовалъ съ нимъ за царя Шуйскаго; въ началѣ 1610 г. ему поручена была обширная и богатѣйшая обитель. Другимъ помощникомъ патріарха былъ келарь той же лавры Авраамій Палицынъ, въ мірѣ Аверкій, потомокъ древней литовской фамиліи, дворянинъ, жившій около Ростова въ селѣ Протасьевѣ. Въ 1588 г. Аверкій Ивановичъ повергся опалѣ, былъ сосланъ въ Соловки, откуда въ 1594 г. уже монахомъ вмѣстѣ съ другими старцами былъ отосланъ въ Сер-

гіевъ Троицкій монастырь. Его имѣнье было взято въ казну. Въ 1601 г. мы видимъ Палицына уже въ Свіяжскомъ Сергіевомъ монастырѣ, зависѣвшемъ отъ Троицкой Лавры. Онъ былъ здѣсь старцемъ, несъ административныя должности, принималъ участіе въ построеніи въ монастырѣ каменнаго собора, былъ лично извѣстенъ святителю Гермогену въ бытность его казанскимъ митрополитомъ. Несомнѣнно дѣятельность Авраамія въ Свіяжскомъ монастырѣ была настолько замѣтна, что его въ 1608 г. перевели прямо въ келари Троице-Сергіевой обители, т. е. сдѣлали вторымъ лицомъ послѣ архимандрита. Онъ вѣдалъ теперь все монастырское устройство, доходы и расходы, вотчины, хозяйство, администрацію монастыря. Сдѣлавшись келаремъ, Авраамій долженъ былъ войти въ близкія отношенія съ патріархомъ и даже государемъ. Ему было лѣтъ около 55. Во время осады Троицесергіевой обители Сапѣгою и Лисовскимъ Авраамій находился въ Москвѣ, дѣйствовалъ въ пользу государя Василія Шуйскаго; склонялъ царя и бояръ оказать помощь осажденному монастырю и въ тоже время особыми грамотами поддерживалъ духъ осажденныхъ.

Особенную услугу оказалъ старецъ Авраамій, когда Москва была осаждена тушинцами, и въ столицѣ вздорожалъ хлѣбъ. По приказу святѣйшаго Гермогена А. Палицынъ открылъ богатыя московскія житницы Троицкаго монастыря, и «бысть радость въ міру и болѣзнь житопродавцемъ». Участвовалъ келарь Авраамій и въ посольствѣ къ королю Сигизмунду, какъ представитель богатаго Троицкаго монастыря, и поднесъ королю «кубокъ серебряный. двойчатый золоченый, атласъ золотой и 40 соболей». Но скоро келарь увидѣлъ, что посольство къ королю «бездѣльно бысть», рѣшился возвратиться въ Москву; для этого онъ, Сукинъ, Сыдовной, три члена посольства, «не отъ желаннаго сердца» заявили, что отдаютъ все дѣло на волю Сигизмунда, и, обласканные имъ, «откупяся», 12 декабря 1610 г. уѣхали домой, но уже на дорогѣ проявили раздраженіе противъ поляковъ; явившись въ Москву, выяснили патріарху истинныя намѣренія короля, и заявили, что хотятъ стоять съ москвичами за вѣру. И дѣйствительно, какъ только святитель былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ, его ставленники Діонисій и Авраамій начинаютъ укрѣплять обитель и разсылать призывныя «грамоты поучительныя и во вся грады измѣннические». Отъ такихъ грамотъ «во, умиленіе приходяще», явилось второе опол-

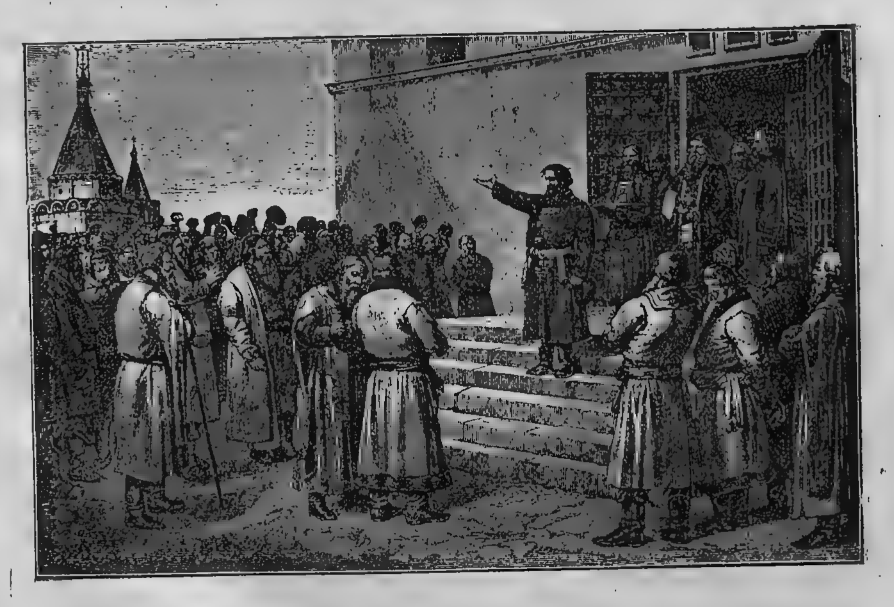

Г. Свіяжскъ.

ченіе и осадило Москву. Діонисій съ келаремъ Аврааміемъ, «паки неусыпно промышляюще и пишуще грамоты во вся грады верховные и понизовные, моляше ихъ, да изыдутъ на заступленіе Московскому государству, исполняя волю отцемъ отца, святѣйшаго Гермогена, второго великаго Златоуста, исправляюшаго несомнѣнно безъ всякаго страха слово Христовой истины». Такихъ грамотъ полностію извѣстно нынѣ три: одна написана въ іюлѣ 1612 г., другая 6 октября 1611 г., а третья въ апрѣлѣ 1611 г. Всѣ онѣ имѣли большое значеніе въ дѣлѣ освобожденія страны отъ разрухи. «Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, говорили эти грамоты, такъ пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ на сходъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что что всякому дѣлу одно время, безвременное же начинаніе суетно бываетъ. Хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе»... Принималъ Палицынъ и непосредственное участіе въ ополченіи Ляпунова, стараясь примирить враждующихъ воеводъ и укрѣпить «отъ божественныхъ писаній». Старецъ былъ членомъ въ ратномъ совѣтѣ ополченія и его «приговорахъ всей земли», засѣдалъ на извѣстномъ ратномъ соборѣ 29—30 іюня 1911 г., давшемъ въ ополченіи перевѣсъ служилымъ людямъ, и за это казаки чрезъ мѣсяцъ убили Ляпунова, считая его виновникомъ униженія казачества. Неудача въ этомъ не ослабила троицкихъ властителей, Они вновь принялись за писаніе грамотъ и въ Казань, и въ Нижній, и въ понизовые города, и въ поморіе о немедленной присылкѣ ратныхъ людей и казны, и Казанцы съ мая 1611 г. стали цѣловать крестъ, быть со всею землею въ соединеніи и любви и итти очищать Московское государство; за ними послѣдовали Свіяжскъ, Чебоксары и Понизовье. «Того же 1611 года въ мѣсяцѣ іюлѣ изъ Казани пришелъ въ Москву бояринъ В. П. Морозовъ, а съ нимъ пришли казанцы и свіяжане и казанскихъ пригородовъ дворяне и дѣти боярскіе и головые стрѣлецкіе съ стрѣльцами служилые князьи, мурзы и татаровя и пришедъ пошли приступать къ новодѣвичью и монастырь взяли». Ополченіе принесло съ собою и казанскую

икону Божіей Матери, благословеніе Казанскаго митрополита Ефрема, отправившаго ополченіе къ Москвѣ.

По словамъ самого Палицына «Казанскаго государства и всѣхъ понизовыхъ и поморскихъ городовъ бояре, воеводы и служилые люди пріидоша подъ царствующій градъ Москву и сотвориша польскимъ и литовскимъ людемъ велику тѣсноту». Такимъ образомъ казанцы участвовали въ ополченіи Ляпунова. Съ убіеніемъ Прокофія Ляпунова казаками за освобожденіе Москвы ратовали оставшіяся ополченцы, князь Трубецкой и Заруцкій съ казаками да Діонисій съ Палицынымъ. Монастырь сталъ снабжать земское ополченіе снарядами и хлѣбомъ. Снова архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ написали призывныя грамоты для сбора ратныхъ людей. Одна изъ такихъ окружныхъ грамотъ въ 1611 г. пришла въ Нижній, возбудила нижегородцевъ, во главѣ которыхъ сталъ протопопъ Спасскаго собора Савва, земскій староста говядарь Козьма Мининъ, а пред-

Козьма Мининъ говоритъ Нижегородцамъ.

водителемъ рати былъ приглашенъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, бывшій воеводою въ ополченіи Ляпунова и теперь лѣчившійся отъ ранъ, полученнымъ при сраженіи съ ляхами въ Москвѣ въ Бѣломъ городѣ на страстной недѣлѣ 1611 г.

Жители Н. Новгорода уже были къ этому приготовлены въ августѣ 1911 г. призывными грамотами святителя Гермогена не принимать на царство сына Марины и призывать города въ походъ къ Москвѣ. Они узнали и о замыслахъ Заруцкаго посадить на московскій престолъ сына Марины и единодушно стали противъ нихъ. Изъ Нижняго послали крамоты въ Казань, Коломну и по всему поволжью. Собирая своею окруженною грамотою людей и деньги, нижегородцы, слѣдуя завѣту св. Гермогена, писали городамъ, приглашая ихъ: «съ ними быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людямъ на польскихъ и литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему рати своимъ воровствомъ, грабежи, и иными воровскими заводы не разогнали». Значитъ, объявлялось отдѣленіе ополченія отъ казачества въ дѣлѣ освобожденія страны отъ враговъ. Казанцы писали въ Пермь, чтобы быть всѣмъ въ совѣтѣ и соединеніи за государство стоять, новыхъ начальствъ и казаковъ въ города не пускать; если они станутъ выбирать государя, не сославшись со всею землею, того государя не принимать, за Московское и за Казанское государства стоять. Троицкія грамоты еще болѣе подвинули дѣло, и ополченіе подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго выступило изъ Нижняго въ февралѣ 1612 г., собиралось въ Ярославлѣ, гдѣ простояло 5 мѣсяцевъ и лишь къ 20 августа пришло къ Москвѣ. Въ Ярославль явились и казанцы подъ предводительствомъ нижегородскаго посла, стряпчаго Биркина, головы Мясного, 20 инородческихъ князей и стрѣлецкаго сотника Неѣлова. Въ Ярославлѣ въ ополченіи была и казанская икона Богоматери, бывшая дотолѣ съ казанцамивъ ополченіи Ляпунова. Однако Биркинъ, сторонникъ дьяка Никанора Шульгина, съ приверженцами своими разссорился съ начальными людьми ополченія и ушелъ, такъ какъ ему не дали «старѣйшества надъ ратными людьми». Остальные казанцы остались въ единеніи съ земскимъ ополченіемъ. Пока земшина стояла у Ярославля, набираясь силами. на Русь надвигалась новая бѣда: въ Псковѣ явился новый воръ Сидорка, назвавшій себя Дмитріемъ, а новгородцы задумали пригласить къ себѣ шведскаго королевича Филиппа. Псковскій самозванецъ разослалъ свои грамоты. Троицкія власти снова увѣщевали города не принимать «вора Митюшку», «оплевали его грамоты»; а когда князь Трубецкой и Заруцкій своровали: пристали къ псковскому само-

званцу, Діонисій и Авраамій и кн. Пожарскій увѣщевали города не вѣрить казакамъ. Въ виду сказанныхъ обстоятельствъ Діонисій и Палицынъ звали ополченіе къ Москвѣ на-спѣхъ, такъ какъ въ оставшейся земской рати «подъ Москвою вси отъ глада изнемогающе», да и въ находившихся здѣсь казацкихъ таборахъ шла рознь и всякаго рода насилія. Два раза посылали они соборныхъ старцевъ къ кн. Пожарскому, укоряли его, что онъ «косно и медленно о шествіи помышляше, смутныхъ ради нѣкіихъ междоусобныхъ словесъ». Дѣло въ томъ, что казаки уже замыслили убить кн. Пожарскаго, подослали убійцу, но тотъ убилъ стоявшаго рядомъ съ княземъ человѣка. Поэтому ратный совѣтъ и выжидалъ, когда казаки уйдутъ изъ-подъ Москвы, что дѣйствительно Заруцкій и сдѣлалъ. Земскій соборъ при ополченіи или «совѣтъ всей земли» производилъ въ Ярославлѣ усиленное накопленіе ратныхъ силъ и средствъ. Наконецъ князь ожидалъ для сопровожденія ополченія игумена Исаію, посланнаго въ Казань къ митрополиту Ефрему на посвященіе въ митрополиты Сарскіе и и Подонскіе по «совѣту всей земли». Но вотъ самъ келарь явился въ Ярославль и довольно «поучилъ отъ божественныхъ писаній» князя Дмитрія Пожарскаго и Кузьму Минина. Ополченіе подъ благословеніемъ казанской иконы Божіей Матери двинулось наконецъ изъ Ярославля 14 августа, а 18 августа выступило изъ Троицкаго монастыря въ сопровожденіи самого Авраамія, увѣщевавшаго воеводу не бояться казаковъ кн. Трубецкого, тѣмъ болѣе, что Заруцкій съ 2000 казаковъ ушелъ отъ Москвы въ Калугу, здѣсь захватилъ Марину съ воренкомъ, остановился съ ними въ г. Михайловѣ. Ополченію пришлось прежде всего биться съ войсками гетмана Ходкевича, пришедшаго къ Москвѣ выручать польскій гарнизонъ. Казаки Трубецкого недружелюбно встрѣтили земскую рать, не желали заодно съ нею биться противъ поляковъ. Опять явился на выручку Палицынъ. Искусною рѣчью онъ склонилъ казаковъ кн. Трубецкого дѣйствовать заодно съ ополченіемъ, и Хоткевичъ былъ отброшенъ къ Волоколамску. Нужно было промыслить и надъ сидѣвшею въ Кремлѣ литвою, а между тѣмъ между ополченіемъ и казаками, между ихъ воеводами опять пошли раздоры изъ-за первенства. Снова пришлось Діонисію и Авраамію писать «Посланіе двѣма Дмитріемъ о соединеніи и любви», уговаривать казаковъ не уходить изъ-подъ столицы,

обѣщать имъ тысячу рублей въ жалованіе, привезти казакамъ монастырскую ризницу и утварь въ залогъ того, что они уплатятъ эти деньги. При содѣйствіи А. Палицына приговорили всею ратью, что Пожарскій и Мининъ не будутъ ѣздить въ казацкіе таборы, а будутъ съѣзжаться съ кн. Трубецкимъ на Неглинной. До городовъ дошли слухи о раздорахъ въ ополченіи. По настоянію келаря разослали по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ: «Были у насъ, де, разряды разные, а теперь мы, Трубецкой и Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали заодно и укрѣпились, всякія дѣла дѣлаемъ заодно и надъ московскими сидѣльцами промышляетъ»...

22 октября былъ взятъ Китай-городъ, а 26—Кремль; Діонисій и Авраамій торжественно вошли въ Кремль и на лобномъ мѣстѣ отслужили благодарственный молебенъ предъ Владимирской и Казанской иконами Богоматери. Поляки попали въ плѣнъ, а король польскій Сигизмундъ, узнавъ объ освобожденіи столицы, ушелъ изъ русскихъ предѣловъ, предоставивъ королевичу Владиславу самому добывать себѣ престолъ московскій. Изъ кремля съ боярами былъ освобожденъ и Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Марθою; они уѣхали въ с. Домнино, а отсюда въ Костромской Ипатьевскій монастырь, учрежденный мурзой Четомъ, предкомъ царя Б. Годунова, подаренный Романовымъ Лжедимитріемъ І-мъ за страданія отъ Годунова.

Былъ собранъ въ Москвѣ земскій соборъ, на которомъ обнаружилось, что народъ и казаки пожелали видѣть царемъ боярина Михаила Θеодоровича Романова. Прежде всего на соборѣ было рѣшено отказаться отъ иностранныхъ кандидатовъ, о чемъ мечтали бояре. Далѣе искали «прирожденнаго государя» въ великихъ родахъ. Были выставлены кандидатами кн. В. В. Голицынъ, Воротынскій, В. И. Шуйскій, кн. Д. М. Пожарскій; но *Гласъ Божій* чрезъ гласъ народа объявилъ собору прирожденнаго государя: представители низшихъ сословій: дворяне, дѣти боярскіе, купцы, атаманы, казаки, посѣтили келаря и открыли старцу Авраамію свое желаніе видѣть царемъ «братанича блаженнаго царя Θеодора» Михаила Романова, родъ котораго такъ былъ любимъ народомъ. Заплакалъ старецъ, похвалилъ за благое намѣреніе и объявилъ его боярству. На самомъ засѣданіи о томъ же письменно заявилъ собору какой-то галицкій дворянинъ да донской казацкій ата-

манъ подалъ письменное заявленіе «о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ». Запросили города, которые всѣ высказались за М. Ѳ. Романова. 21 февраля при участіи Авраамія произошло единогласное избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Келарь былъ и на лобномъ мѣстѣ въ числѣ лицъ, возвѣщавшихъ народу о рѣшеніи собора, и имѣлъ счастіе услышать гласъ народа: «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ да будетъ Царь-государь Московскому государству и всей Россійской державѣ». Отслужили въ Успенскомъ соборѣ молебенъ о здравіи избраннаго царя и принесли ему присягу. Келарь былъ въ числѣ служившихъ и цѣловалъ крестъ избранному царю. Палицынъ былъ и 14 марта въ числѣ пословъ къ юному Михаилу для призванія его на царство, во исполненіе соборнаго рѣшенія; онъ взялъ образъ московскихъ святителей, а архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ Ѳеодоровскую икону Богоро-

Ѳеодоровскій монастырь въ Казани.

дицы, оба встали предъ инокинею Мароою и сыномъ ея Михаиломъ и сказали: «Смотри, государыня Мароа, и ты, царь Михаилъ! не даромъ шла сюда съ нами чудотворная икона Богородицы и образъ великихъ святителей; если вы насъ не хотите слушать, то не осмѣливайтесь ослушаться Богородицы и великихъ святителей, но исполняйте волю Божію; отъ Бога

избранъ ты, Михаилъ, и не гнѣвай Владыку всѣхъ!» Въ яркой картинѣ нарисовали они, какъ иностранные государи воспользуются россійскимъ безнарядьемъ, и погибнетъ государство, а съ нимъ вѣра и народъ. Тогда послѣдовало согласіе, и царь Михаилъ послѣ благословенія приложился къ св. иконамъ, принялъ отъ архіепископа Өеодорита царскій посохъ, какъ знакъ власти. Отслужили молебенъ о многолѣтіи новаго царя, послѣ чего всѣ подошли къ царской рукѣ.

«И бысть радость велія».

Участвовалъ доблестный старецъ въ шествіи царя изъ Костромы въ Москву, во встрѣчѣ царя предъ воротами Троицкой обители, въ царскомъ вѣнчаніи 11 іюля; имъ наконецъ была подписана и избирательная грамота.

Послѣдніе годы своей жизни Палицынъ принималъ живое участіе въ земскихъ соборахъ; ему снова приходилось защищать Троицкій монастырь, но уже отъ польскихъ полчищъ королевича Владислава. Въ память Деулинскаго перемирія старецъ по обѣщанію поставилъ церковь св. Сергія въ Деулинѣ; онъ участвовалъ въ государевомъ дѣлѣ: исправленіи книжномъ, а въ 1620 г. старецъ въ преклонныхъ годахъ по желанію удалился въ Соловки, гдѣ прожилъ еще 7 лѣтъ «по трудѣхъ на покоѣ», скончался 13 сентября 1627 г. и былъ по царскому приказу съ честью похороненъ вблизи Преображенскаго собора.

Конечно, Палицына нельзя сравнить съ святителемъ Гермогеномъ: память о послѣднемъ безсмертна; это спаситель отечества, «противъ враговъ крѣпкій и не побѣдимый стоятель, твердый адамантъ и крѣпкій поборникъ по православной истинной вѣрѣ, новый исповѣдникъ и второй великій Златоустъ, исправляющій несомнѣнно безо всякаго страха слова Христовы, истины обличитель на предателей и разорителей христіанскія вѣры». Но и заслуги Палицына, бывшаго старца свіяжскаго монастыря, что въ Казанскомъ краѣ, послушника и сподручника великаго казанца святѣйшаго Гермогена, достойны вѣчной памяти казанцевъ.

Казанскіе люди въ началѣ смуты очень слабо отзывались на политическія событія страны, держась въ сторонѣ до самаго паденія царя Шуйскаго, присягу которому они крѣпко держали. Правда, до Казани уже доходили прелестные листы Тушинскаго вора,

но Казань молчала. Дѣло въ томъ, что русской земщины въ краѣ было мало; она была связана съ Москвою лишь начальными и приказными людьми, стрѣльцами да пушкарями, испомѣщенными въ пригородныхъ волостяхъ немногими дворянами да дѣтьми боярскими, кучкою русскихъ посадскихъ людей. Мѣстная инородческая масса жила своею жизнью, знала лишь отвлеченную Москву да казанскихъ воеводъ. Движеніе въ краѣ началось лишь съ появленіемъ здѣсь набѣжавшихъ при Лжедимитріи I сторонниковъ возставшихъ крестьянъ и холоповъ да казаковъ. Появился воръ Илейка, незаконный сынъ вдовы муромскаго торговаго человѣка Юрьевой, (а по словамъ Палицына бывшій холопъ свіяжскаго стрѣлецкаго головы Г. Ела-

Казанская крѣпость.

гина), объявившій себя сыномъ царя Θеодора Іоанновича царевичемъ Петромъ, ѣхавшимъ къ дядѣ Лжедимитрію I по приглашенію послѣдняго; прожилъ 10 недѣль въ Казани «въ Ярославскомъ концѣ, на посадѣ у посадскаго человѣка Ивашки Волоченина», разгуливалъ потомъ на стругахъ по Волгѣ, былъ около Свіяжска, а со смертью Лжедимитрія I скрылся въ низовое Поволжье. Далѣе прелестные листы Болотникова и Тушинскаго вора оказали нѣкоторое вліяніе: въ Казани явились сторонники Тушинскаго вора среди приказнаго люда въ лицѣ хитраго и пронырливаго дьяка Никанора Шульгина, его товарища Дичкова. Тогда на арену дѣятельности выступилъ

казанскій митрополитъ Ефремъ, ставленникъ святѣйшаго патріарха Гермогена.

Такимъ образомъ мы приступаемъ къ обозрѣнію дѣятельности третьяго лица, имѣющаго отношеніе къ казанскому краю. Этимъ третьимъ выдающимся дѣятелемъ въ эпоху лихолѣтья, прямымъ помощникомъ отца отечества великаго казанца патріарха Гермогена является дитя его сердца казанскій митрополитъ Ефремъ, съ 3 іюля 1606 г. ставшій казанскимъ архипастыремъ. Первые труды этого митрополита начались въ Спасопреображенскомъ монастырѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ его

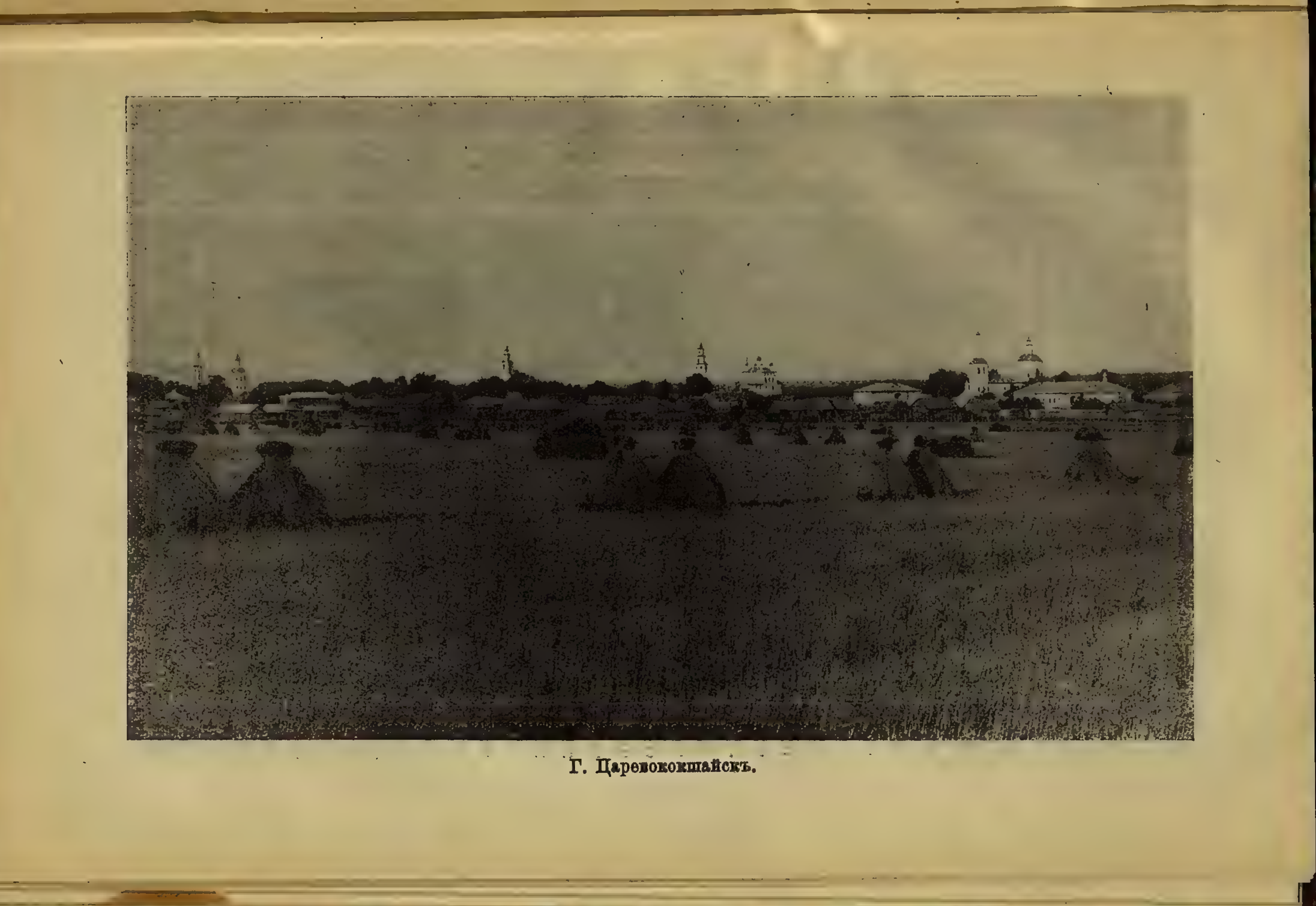

Спасо-Преображенскій монастырь въ Казани.

предшественника, великаго Гермогена, властною рукою державшаго въ краѣ бразды правленія; къ голосу этого владыки сильно прислушивались казанскіе воеводы. Онъ руководилъ Казанью и изъ Москвы. Митрополиту Ефрему нужно было лишь слѣдовать по стопамъ своего учителя.

Казанцы послѣ Лжедимитрія I присягнули царю Василію Шуйскому. Но вотъ въ Свіяжскѣ появляются «воры и богоотступники» и склоняютъ горожанъ присягать Лжедимитрію II. Они привезли даже крестоцѣвальную запись. Не устояли свіяжцы противъ «звѣрохишнаго яда» и цѣловали крестъ по этой воровской записи. Борьбу съ крамолой тогда приняла на себя духовная власть въ лицѣ митрополита Ефрема. Владыка чест-

но исполнилъ долгъ пастыря и гражданина. Онъ въ 1607 г. подвергъ церковному отлученію свіяжцевъ, запретивъ «приношенія церквамъ Божіимъ отъ нихъ принимати». Это запрещеніе воздѣйствовало: простодушные жители Свіяжска признались, что «омрачились прелестью», со слезами просили прощенія у митрополита и поклялись быть непоколебимо вѣрными избранному въ Москвѣ царю Василію Ивановичу Шуйскому, били челомъ о прощеніи царю Василію и патріарху Гермогену. Патріархъ Гермогенъ отвѣтилъ на это митрополиту: «Великій государь по своему царскому обычаю и по нашему прошенію отдалъ имъ, свіяжанамъ, вины ихъ, да и мы соборне прощаемъ и разрѣшаемъ ихъ». Одобряя дѣйствія митрополита Ефрема противъ «прелести вражей», онъ совѣтуетъ Ефрему «оберегать накрѣпко Казань отъ смуты, чтобы люди Божіи не погибали душою и тѣломъ». «Да накрѣпко смотрѣть бы за попами, чтобы въ нихъ воровства не было: особенно за тремя казанскими: Софійскимъ, Покровскимъ и Ирининскимъ. Только они не перемѣнятъ своихъ обычаевъ — и имъ въ попахъ не быть». У митрополита Ефрема въ Казанскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1608 г. нашелъ себѣ убѣжище прахъ много пострадавшаго отъ Лжедимитрія I-го астраханскаго архіепископа Θеодосія, скончавшагося въ 1606 г. на пути изъ Москвы въ Астрахань. Тѣло находилось въ Царицынѣ до осени 1608 г. и было привезено въ Казань бояриномъ Шереметевымъ. Владыка Ефремъ самъ погребалъ тѣло скончавшагося архіепископа, св. мощи котораго въ 1617 г. были перенесены въ Астрахань. Подъ руководствомъ митрополита Ефрема Казань твердо держалась царя Шуйскаго до самаго сведенія его съ престола, хотя въ предѣлахъ Казанскаго края уже появились мятежныя шайки среди инородцевъ свіяжскаго, чебоксарскаго, козьмодемьянскаго уѣздовъ, разбитыя 22 декабря 1608 г. воеводою Шереметевымъ подъ Чебоксарами и Свіяжскомъ, положившимъ массу мятежныхъ инородцевъ, трупы которыхъ валялись на протяженіи семи верстъ; люди Шереметьева топтали и кололи мятежниковъ, «что свиней». Въ Казани пѣли молебны со звономъ и многолѣтіемъ царю Василію. Воровскіе мурзы Бибай и Перепердѣй бросились за Волгу въ черемису, захватили Яранскъ и Санчурскъ и Царевъ, нынѣ Царевококшайскъ, заставили жителей цѣловать крестъ самозванцу. Изъ Казани отправили на выручку войско въ 2300 человѣкъ, и «учало оружіе гово-

Г. Царевококшайскъ.

рити подъ Царевымъ»; самая и смута была задержана. Въ составѣ этой рати, дѣйствовавшей противъ забѣжавшихъ изъ Арзамасскаго края воровъ, находились, кромѣ стрѣльцовъ, вѣрные Москвѣ черемисы подъ командою черемисскаго сотника Хозя. Въ составъ возставшихъ вошли по одному человѣку «съдыма», набранные ворами въ черемисскихъ волостяхъ. Побито было и скопище заокскихъ бунтовщиковъ, явившихся въ свіяжскій уѣздъ именно 10 мая 1609 г. у села Бурундуковъ.

Казанскій митрополитъ въ эпоху лихолѣтья принималъ участіе въ управленіи дѣлами «всей земли Царства Казанскаго». Окруженный слабохарактернымъ воеводою Морозовымъ, дьякомъ Шульгинымъ и Дичневымъ, сносившимися съ нижегородскимъ стряпчимъ Биркинымъ, преосвященный Ефремъ накрѣпко удерживалъ казанцевъ въ вѣрности царю Василію, оборонялъ казанскій край отъ вторженія мятежниковъ, и вмѣстѣ съ казанскимъ воеводой Богданомъ Бѣльскимъ убѣждалъ граждань не цѣловать креста Тушинскому вору. Казань и Нижній держались, тогда какъ многіе города уже «прельстишася на дьявольскую прелесть».

Пробывъ осень и зиму въ казанскомъ краѣ, по пути изъ Астрахани въ Москву, царскій воевода Шереметевъ привелъ царю Василію закаленнную въ бою рать, сильно пополненную казанскими и нижегородскими ратными людьми, черемисою, чувашею, мордвою и башкирцами, готовыми «за государя царя Василія Ивановича биться до смерти». Занятые успокоеніемъ волновавшихся инородцевъ, казанскіе воеводы оставили въ своемъ распоряженіи незначительные отряды стрѣльцовъ и инородческхъ служилыхъ людей; не могли поэтому выслать находившіяся въ ихъ распоряженіи войска для присоединенія къ ополченію сѣверныхъ городовъ. «Шаткость» инородческаго населенія заставила русскихъ служилыхъ людей и стрѣльцовъ быть на-сторожѣ, тѣмъ болѣе, что черемисская смута, подогрѣваемая русскими измѣнниками и польскими людьми: Волынскимъ, Бартеневымъ, Лукъяновымъ, Павликомъ Мокѣевымъ, паномъ Пятигорцемъ, приняла въ ноябрѣ 1609 г. тревожный характеръ въ Вятскомъ краѣ и грозила перебросить-ся въ Казань. Въ сѣверные казанскіе городки и волости съ сѣверныхъ областей пришло на помощь земское мѣстное ополченіе, должно было «жить съ береженьемъ» и «быть всѣмъ наготовѣ». Дѣйствительно яранскимъ воровскимъ людямъ помо-

гали засѣвшіе въ Козьмодемьянскѣ воры; казанцамъ приходилось посылать ратныхъ людей въ Кукарку и подъ Тетюши. Государевъ измѣнникъ князь Романъ Троеруковъ прибѣжалъ въ Чебоксары и сталъ бунтовать черемису и чувашу и грозитъ итти на Свіяжскъ и Казань. Такъ шло дѣло до конца 1610 г. 17 іюля кончилось «безвременное державство царя Василія Ивановича». Пришлось присягать сначала боярамъ, а немного спустя польскому королевичу Владиславу. 30 августа 1610 г. получена была въ Казани присланная изъ Москвы отъ бояръ-правителей и «всѣхъ чиновъ и служилыхъ и жилецкихъ людей» на имя воеводы и всего населенія Казанскаго царства грамота, въ которой подробно излагались основанія приглашенія Владислава на царство, съ присовокупленіемъ: «И вамъ бы королевичу Владиславу крестъ цѣловать а также привести къ шерти (присягѣ) князей, мурзъ, татаръ служилыхъ и ясачныхъ чувашъ и черемису и вотяковъ». Для приведенія къ присягѣ инородцевъ были присланы крестоцѣлованныя записи на татарскомъ языкѣ. Безгосударное время сильно отразилось на краѣ: инородцы волновались; къ нимъ присоединились прибѣжавшіе отъ Тушинскаго вора казаки, стрѣльцы и другіе воры. Въ самой Казани въ концѣ 1610 г. неохотно присягали Владиславу, тѣмъ болѣе, что хорошо знали мнѣніе объ этой боярской затѣѣ патріарха Гермогена, которому безконечно вѣрили.

Простымъ людямъ хотѣлось видѣть на престолѣ русскаго человѣка. 7 января 1611 г. пріѣхалъ въ Казань изъ Москвы дьякъ Евдокимовъ, присланный врагами польской затѣи во главѣ съ святителемъ Гермогеномъ. Онъ заявилъ владыкѣ Ефрему и воеводамъ, что въ Москвѣ всѣмъ завладѣли поляки. Въ совѣтѣ бояръ засѣдаетъ, де, панъ Гонсѣвскій, называющій себя старостой московскимъ, поселился въ кремлѣ въ старомъ домѣ Б. Годунова, и къ нему являются съ докладами дьяки. Польскіе и литовскіе люди поселились въ Кремлѣ и Китай-городѣ, сильно укрѣпивъ ихъ пушками, выславъ оттуда русскихъ людей; по городу разъѣзжаютъ польскіе патрули, запрещаютъ русскимъ показываться по утрамъ и вечерамъ. Несочувствующіе полякамъ бояре сидятъ подъ карауломъ, а предъ Николинымъ днемъ бояре требовали отъ патріарха, чтобы онъ благословилъ москвичей цѣловать крестъ отцу Владислава. Когда патріархъ отказалъ имъ въ этомъ, то хотѣли, де, его зарѣзать. Патріархъ собралъ народъ на соборной площади и убѣждалъ

не приносить королю крестнаго цѣлованія. Весь московскій народъ скорбитъ, что его неволею бояре понуждаютъ цѣловать королю крестъ. Въ городѣ уныніе, въ приказахъ дѣла, въ рядахъ торговля прекратились.

Это извѣстіе сильно смутило казанцевъ, чѣмъ и воспользовались сторонники Калужскаго, бывшаго Тушинскаго Лжедимитрія, не зная объ его смерти, и стали склонять народъ къ присягѣ царю Дмитрію Ивановичу. Тогда по приказу митрополита явился на площадь воевода Б. Бѣльскій, укрѣплялъ казанцевъ не цѣловать креста вору; но шайка съ дьякомъ Н. Шульгинымъ во главѣ въ январѣ 1611 г. схватила и сбросила воеводу съ раската Спасской башни, а вмѣстѣ съ нимъ убила и начальнаго рат-

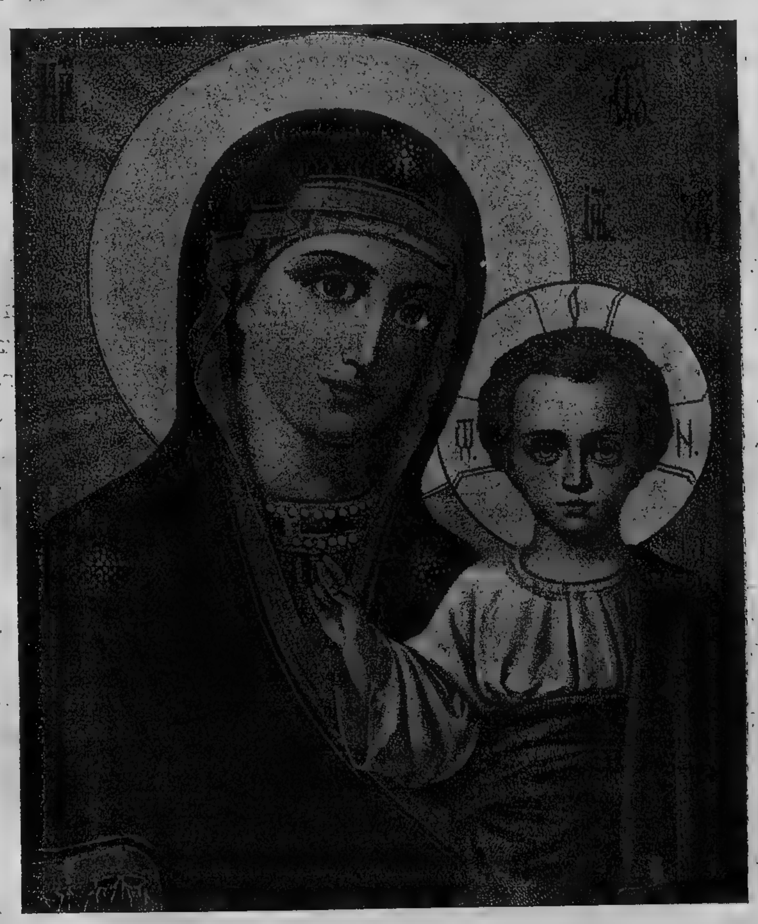
Спасская башня въ Казани.

наго человѣка Θеодора Люткина. Воевода Морозовъ смалодушествовалъ. Когда узнали о гибели Калужскаго вора, дьяки Дичковъ и Шульгинъ выдвинули въ кандидаты на царствованіе сына Марины «царевича Іоанна Дмитріевича». Къ тому склонялся и Морозовъ. Честолюбивый бояринъ и воры дьяки видимо задумали привести въ дѣйствительность мечту Самозванца основать въ Астрахани особое понизовое государство, отдѣлившись отъ Москвы при помощи персидскаго шаха, казаковъ и русскихъ воровъ. Поэтому Шульгинъ въ крестоприводной записи заставлялъ казанцевъ клясться; что не «хотятъ ни мос-

ковскихъ ни польскихъ людей имѣть на царствѣ, помимо царя Дмитрія Ивановича». Но затѣя воровского заводчика не удалась. Патріархъ Гермогенъ отъ митрополита Ефрема скоро узналъ про затѣю Шульгина, препроводилъ въ Н. Новгородъ грамоту, въ которой просилъ отписать отъ его имени къ казанскому митрополиту Ефрему, чтобы тотъ убѣждалъ народъ крѣпко стоять за вѣру, не звать на царство «проклятаго Маринки-панны сына», объявить, что на это нѣтъ его, Гермогена, благословенія. И въ Казани, вопреки проискамъ Шульгина и его товарищей, восторжествовало народное рѣшеніе «быть со всѣми въ соединеніи и стоять всѣмъ за Московское государство», какъ о томъ просила казанцевъ и троицкая грамота.

По настоянію владыки Ефрема казанцы примкнули къ движенію верхняго поволжья, направлявшемуся изъ Ярославля къ Москвѣ для соединенія съ Ляпуновымъ. Владыка къ тому же получилъ изъ Ярославля грамоту отъ имени духовенства, воеводъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и земскихъ старостъ, посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, призывающую помочь ополченію; вслѣдъ за нею 1 мая казанцы получили грамоту отъ «великаго государства Московскаго: бояръ, воеводъ, дворянъ и всякихъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія» призывающую казанцевъ къ помощи деньгами и ратными людьми съ прибавленіемъ, что если они не соединятся и за Московское государство не станутъ, а надъ Московскимъ государствомъ разоренье учинится, то Богъ взыщетъ съ нихъ. Не смотря на хитрость воеводы Морозова, дьяковъ Шульгина и Дичкова, казанцы по увѣщанію владыки Ефрема присягнули помогать ополченію, быть въ любви и совѣтѣ, итти на земскую службу подъ Москву, пригласивъ къ тому же свои пригороды и пермскую землю. «Митрополитъ и всякіе люди Казанскаго государства: и князи и мурзы, и татарове, и чуваши, и черемисы, и вотяки, съ Н.-Новгородомъ и со всякими городы поволжными стали на томъ, чтобы быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, и за Московское царство стояти, и выбирати бы на Московское царство государя всею землею Россійскія державы». Казанское ополченіе было собрано, съ воеводою Морозовымъ отправлено къ Москвѣ, принесло въ станъ земскаго ополченія списокъ казанской иконы Божіей Матери, благословеніе митрополита, по приказу святителя Гермогена. Казанцы «приговорили съ Ефремомъ, митрополитомъ казан-

скимъ и свіяжскимъ, и со всею землею казанскаго государства, что отнюдь на царство проклятаго паньина Маринкина сына не хотѣть, а буде казаки того Маринкина сына или кого иного начнутъ на Московское государство выбирать своимъ произволомъ, не согласившись со всею землею, и того государя на государство не хотѣть и противъ него стоять

Казанская икона Божіей Матери.

всѣмъ государствомъ единодушно, а выбрать имъ государя, сославшись со всею землею, кого имъ въ государи Богъ дастъ». Мы знаемъ, что первое земское ополченіе встрѣтило св. казанскую икону пѣшее вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ. Казанскіе ратники на другой день по приходѣ «поидоша вси на Новый монастырь, взяша отъ литовскихъ людей и разориша весь».

Святая икона была въ ополченіи до зимы, когда образъ былъ отпущенъ съ протопопомъ въ Казань, но задержался въ Ярославлѣ.

Неудача перваго, Рязанскаго ополченія вызвала второе—нижегородское. Нижегородцы прислали въ Казань посломъ стряпчаго Ивана Биркина, чтобы войти въ соглашеніе «для совѣта и помочи Московскому государству». «Тогда митрополитъ и всякіе люди казанскаго государства: и князи, и мурзы, и татары, и чуваши, и черемисы, и вотяки съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городы поволжными стали на томъ, чтобы быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи и за Московское царство стояти, другъ друга не побивати и не грабити и дурного ничего ни надъ кѣмъ не дѣлати, а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинити по приговору; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ въ города не пускати, казаковъ въ городъ не пускати тоже, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, какъ Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы на Московское государство государя всею землею Россійскія державы; если же казаки станутъ избирати государя по своему изволенію, одни, не согласившись со всею землею, такого государя не хотѣти». Казанцы послали въ Ярославль ополченіе, которое выступило подъ начальствомъ названнаго выше Биркина, татарскаго головы Лукьяна Мясного, стрѣлецкаго сотника Неѣлова и 20 инородческихъ князей.

Въ Ярославлѣ Биркинъ, повздоривши изъ-за первенства, покинулъ ополченіе, которое оставалось до самаго освобожденія Москвы, участвовало въ битвахъ, честно служа общеземскому дѣлу. Съ нимъ была и св. казанская икона, задержавшаяся въ Ярославлѣ, обратно взятая въ Москву. «Ратные же люди велію вѣру начаша держати ко образу Пречистыя Богородицы, и многія чудеса отъ того образа быша, и въ гетманскій же бой, и въ московское взятіе многи жъ чудеса быша». И 22 октября молитвами и заступленіемъ Богоматери, по видѣнію архангельскаго епископа Арсенія, Москва была взята земскимъ ополченіемъ кн. Пожарскаго, какъ это говорится въ окружной грамотѣ благовѣрнаго царя Алексѣя Михайловича.

Благочестивый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ память сего событія установилъ праздновать въ Москвѣ казанской иконѣ Божіей Матери 2 раза въ годъ: 8 іюля, въ день обрѣтенія

иконы, и 22 октября, въ день очищенія Москвы отъ поляковъ. Были учреждены 2 крестныхъ хода изъ Успенскаго собора въ Введенскую церковь, гдѣ кн. Пожарскимъ сначала былъ поставленъ чудотворный образъ. Въ 1636 г. была выстроена на Красной площади противъ земскаго дворца церковь во имя казанской иконы Божіей Матери, нынѣ соборъ, и сюда стали совершать крестные ходы. Съ 1648 г. празднованіе 22 октября стало всероссійскимъ.

Казанскій монастырь.

Казанскій владыка Ефремъ былъ теперь старшимъ іерархомъ въ Россіи, такъ какъ патріарха не было, а новгородскій владыка съ епархіей не участвовалъ въ великомъ земскомъ дѣлѣ. Князь Пожарскій 12 іюля 1612 года поэтому пишетъ грамоту къ «твердому адаманту, пастырю и учителю, великому господину преосвященному Ефрему» отъ имени всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей. Указывая, что поднялась на спасеніе государства вся земля, а пастыря и учителя за смертію патріарха Гермогена у нея нѣтъ, Пожарскій просилъ послать въ ополченіе пастыря и учителя игумена Сторожевскаго монастыря Исаію, снабдивъ его ризницей и утварью и посвятивъ въ Казани въ крутицкіе митрополиты, замѣстители патріарха, «да паки въ Московскомъ государствѣ угасшій (съ кончиной патріарха Гермогена) свѣтильникъ возжжется». Но владыка воздержался отъ посвященія игумена Исаіи безъ одобренія церковнаго собора,

а указалъ обратиться къ бывшему на покоѣ ростовскому митрополиту Кириллу, который и былъ въ Ярославлѣ, а потомъ на соборѣ и царскомъ вѣнчаніи.

Мы уже знаемъ, что 22 октября былъ взятъ Китай-городъ, а чрезъ мѣсяцъ сдались запертые въ Кремлѣ поляки, вслѣдствіе голода пожиравшіе человѣческіе трупы, и 27 ноября ополченія князей Пожарскаго и Трубецкаго торжественно вступали въ кремль. Собрался земскій соборъ изъ 700 выборныхъ отъ 50 городовъ, на которомъ предсѣдательствовалъ прибывшій въ Москву съ 15 выборными казанскій митрополитъ Ефремъ; онъ первый подписалъ составленную въ маѣ 1613 г. особую избирательную грамоту, первый заявилъ и всемѣрно доддерживалъ кандидатуру указаннаго святѣйшимъ Гермогеномъ боярина Михаила Ѳеодоровича. Соборъ грамотой объявилъ королю Сигизмунду, что Русь не желаетъ его сына на царскій престолъ. Вотъ какъ начинается избирательная грамота:

«Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и всясодержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велелѣпной и святей славѣ величествія Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и Животворящимъ Своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя и равно свѣтлыя и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ ипостасехъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодолѣннаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ же Царіе царствуютъ и велицыи величаются, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизрѣченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытія въ бытіе создавается, и отъ не сущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами и считаются, отъ Него-жъ пріимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же Великихъ Государей Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь Рю-

рикъ содержаше скифетръ великаго Россійскаго государства въ Великомъ Новѣградѣ...

Послѣ изложенія русской исторіи до избранія на царство Михаила Θеодоровича, говорится: «Кто похочетъ мимо Госу-

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

даря Царя и Великаго князя Михаила Θеодоровича, всея Руси Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей ни буди, или какое лихо кто похочетъ учинити: и намъ, боярамъ и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ,

и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати, и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ, и въ Государскихъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всеа Русіи, на своей Государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...».

Въ заключеніе грамота говоритъ:

«А кто убо не похощетъ послушати сего соборнаго уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковы, аше отъ священнаго чину, и отъ бояръ, царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и мѣстныхъ, по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ... А на соборѣ были Московскаго государства и изо всѣхъ городовъ Россійскаго царствія власти, и митрополиты и архіепископы, и епископы и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и думные дворяне, и дьяки, и жильцы, и дворяне большіе, и дворяне изъ городовъ, и дьяки изъ приказовъ, и головы стрѣлецкіе, и всякіе приказные и дворовые люди, и гости, и сотники стрѣлецкіе, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посацкіе всякихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди, и изо всѣхъ городовъ всего Россійскаго царствія выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обираньи. А уложена бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми Великаго Государя нашего Царя и великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру ҂ѕрка-го, а индикта а҃і-го мѣсяца маия.

2 мая митрополитъ Казанскій торжественно встрѣчалъ въ Москвѣ выбывшаго изъ Костромы и слѣдовавшаго чрезъ Ярославль и Троицкую обитель избраннаго Богомъ новаго государя, а 11 іюля вѣнчалъ и помазалъ его на царство. Священнодѣйствіе митрополитомъ совершено было по чину вѣнчанія царя Ѳеодора Іоанновича на царство. Предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава царя Іоанна IV. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на царя былъ возложенъ царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Владыка митрополитъ при этомъ, обратившись къ царю, произнесъ слѣдующее слово:

Бл҃гочестивый, и҆ хрⷭ҇толюбивый, великїй гдⷭ҇рь црⷭ҇ь, и҆ великїй кн҃зь мїха́илъ ѳео́дѡровичь, всеѧ̀ рѡⷭ҇сі́и самодержецъ, всеси́льнаго, и҆ всѧ̀ содержа́щагѡ бг҃а, и҆ ѡ҆ц҃а̀ и҆зволе́нїемъ, и҆ бл҃говоле́нїемъ є҆диноро́днагѡ сн҃а є҆гѡ́, гдⷭ҇а бг҃а, и҆ сп҃са нш҃егѡ і҆и҃са хрⷭ҇та, и҆ поспѣше́нїемъ ст҃а́гѡ и҆ животворѧ́щагѡ дх҃а, всемогꙋ́щїѧ трⷪ҇цы во́лею и҆ хотѣ́нїемъ, самодержа́вствовали вели́кїѧ гдⷭ҇ри в҆ рѡⷭ҇сі́йскомъ гдⷭ҇рствѣ, ѿ вели́кагѡ рю́рика, и҆ бл҃гочести́вагѡ ра́вноа҆пⷭ҇тльнагѡ, вели́кагѡ кн҃зѧ влади́мїра ст҃осла́вича, просвѣти́вшагѡ рꙋ́скꙋю зе́млю ст҃ы́мъ кр҃ще́нїемъ и҆ ѿ вели́кагѡ кн҃зѧ влад҃мі́ра все́володовича монома́ха, и҆́же превысоча́йшꙋю чⷭ҇ть, црⷭ҇кїй вѣне́цъ, и҆ дїади́мꙋ ѿ гре́ческагѡ цр҃ѧ констант҃і́на монома́ха во҆прї́имъ, сегѡ́ ра́ди монома҃х нарече́сѧ, ѿ него́же всѧ̀ вели́кїѧ гдⷭ҇ри, рѡⷭ҇сі́йскаго црⷭ҇твїѧ вѣнце́мъ вѣнча́хꙋсѧ, да́же до вели́кагѡ, гдⷭ҇рѧ, хвала́мъ досто́йнагѡ, пра́веднагѡ вели́кагѡ гдⷭ҇рѧ, бл҃же́нныѧ па́мѧти дѧ́ди ва́шегѡ, цр҃ѧ и҆ вели́кагѡ кн҃зѧ, ѳео́дѡра і҆ѡ҃а́новича, всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржца, на се҃ црⷭ҇ьскомъ степе́ни неподви́жимы бы́сть. И҆ бж҃їимъ пра́веднымъ сꙋдо́мъ бг҃омъ вѣнча́нный, бл҃гочⷭ҇тивый вели́кїй гдⷭ҇рь црⷭ҇ь, и҆ вели́кїй кн҃зь ѳео́дѡръ і҆ѡ҃а́нновичь, всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржецъ, вѣча́денъ о҆ста́вль земно́е црⷭ҇тво, ѿи́де въ нбⷭ҇ное црⷭ҇тво.

И по избранію нашемѹ, быⷭ на семъ вашемъ црьскомъ прто-
лѣ, црь борисъ ѳеодоровичь всея россіи, родомъ ѿ предѣлъ
вяземскихъ, и сей преставися. И за оумноженіе грѣховъ
нашихъ, вражіимъ дѣйствомъ, воста бгоѿстѹпникъ, ере-
тикъ, ростригa гришка богдановъ снъ ѿтрепьевъ, и мечтами
бѣсовскими, и мнокоденными сатанинъскими дѣлы, и
вспоможеніемъ и оумышленіемъ полскаго жигимонта коро-
ля, и панов радъ, назвався сномъ великагѡ гдря цря, и
великагѡ кнзя Іѡанна василіевича, всея россіи, дѣда ваше-
гѡ, и се вашегѡ црьскаго пртола коснѹся, и соборнѹю и
апльскѹю црковь прчтыя бцы, чтнагѡ и славнагѡ ея
ѹспенія, своею лютою ересію ѡбрѹгалъ: и мнѡгія еретики
во стѹю црковь бжію введе, и православнѣй истиннѣй на-
шей непорочной хртіанской вѣрѣ, мнѡгое рѹгательство дѣлалъ,
еже все нашима очима видѣхомъ. Мдрый же во трцѣ
славимый бгъ нашъ не попѹсти такова злодѣя, на разо-
реніе нашея истинныя хртіанскія вѣры, и по дѣламъ
егѡ месть воздаде емѹ: злѣ ѡкаянный животъ свой
испроверже. И по нашемѹ избранію сѣде на семъ вашемъ
црьскомъ пртолѣ, и волею ѿ рода сѹздальскихъ кнзей, црь
василій Іѡанновичь, всея россіи. И за оумноженіе грѣховъ
нашихъ, и всегѡ православнагѡ хртіанства, при црѣ васи-
ліи, россійскомѹ гдртвѹ, мнѡгое разореніе, и кровь хрті-
анская мнѡгая пролилася, ѿ междоусобныя брани ѿ ворѡвъ,
которыя называлися гдрьскими дѣтьми, и ѿ полскихъ и
ѿ литовскихъ людей, оумысломъ польскагѡ жигимонта коро-
ля и панѡвъ рады, и ѿ мнѡгія тѣсноты, московскомѹ
гдрьствѹ, бѹдѹчи в осадѣ на москвѣ, ѿ полскихъ и ѿ ли-
товскихъ и ѿ воровскихъ людей, ѡбрали было на московское
гдртво, жигимонта короля сна, королевича владислава; а
црь василій Іѡанновичь, по нашемѹ челобитью гдртво

ѿставилъ. И с коръннымъ гетманомъ, с станиславомъ желковскимъ, о всѣхъ статьяхъ, какъ королевичю быти на московскомъ гдртвѣ, договоръ учинили, и записьми и кртнымъ цѣлованіемъ укрѣпилися. А ѿ которыхъ статьяхъ с гетманомъ станиславомъ желковскимъ не договорились: и ѿ тѣхъ статьяхъ, къ жигимонту королю подъ смоленескъ ѿ всегѡ рѡсійскагѡ гдртва, пошелъ оцъ вашъ великагѡ гдря, преѡсщенный філаретъ никитичь, мітрѡполитъ ростовскій и ярославскій: да въ послѣхъ, бояринъ кнзь василій василіевичь голицынъ, с товарыщи: и всякихъ чинѡвъ люди. И жигимонтъ король, по приговору гетмана станислава желковскагѡ, и по егѡ кртному цѣлованію, ничегѡ не додержалъ, и оца вашего стѣйшагѡ філарета мітрѡполита, и пословъ, кнзя василіа голицына с товарыщи задержалъ: и в заточеніе розослалъ: а сна своего владислава королевича, на гдртво не далъ: а гетманъ станиславъ желковскій, польскихъ и литовскихъ и немецкихъ людей, въ москву пустивъ, црѧ василіа къ королю въ польшу ѿслалъ: и цртвующій градъ москву выжгли и высѣкли, и цркви бжіѧ, въ которыхъ издавныхъ лѣтъ славилося имя бжіе, и за васъ, великихъ гдрей, и за весь міръ жертва къ бгу приносилася, ѿсквернили, и разорили: и иконы и чюдотворцовы раки, ѿдирали: и всякое ѡскверненіе, и поруганіе нашей православной хртіанской вѣрѣ чинили. И страдалца великагѡ стѣйшагѡ, ермогена патріарха московскагѡ и всеѧ россіи, с великимъ безчестіемъ, со прстола свергнули, и и стителскаго сану ѡбнажили, и въ заточеніе посадя мучительскою смертію уморили. а сщенническагѡ и иноческагѡ чину, и бояръ, и ѡколничихъ, и дворянъ, и всякихъ чинѡвъ жилецкихъ людей, мужеска полу и женска, и безгрѣшныхъ младенцевъ безчисленнѡ мучительски побили: и кровь хртіанскую мнѡ-

гѹю, по всемѹ цртвѹющемѹ градѹ москвѣ, неповиннѡ про-
лили. А вашѹ црьскѹю казнѹ мнѡгѹю, собранїе и давных
лѣтъ, прежнихъ великихъ гдрей, црей рѡссiйскихъ, црьскiѧ
ѹтвари, црьскiѧ шапки, и корѹны, и чюдотворныѧ ѡбра-
зы, к жигимонтѹ королю ѿслали, а досталнѹю вашѹ, црь-
скѹю казнѹ, и въ црквахъ бжїихъ, и в мнтрехъ, мнѡгїѧ
неисчетныѧ богатства московских людей пограбѧ, по себѣ
раздѣлили. А васъ, великагѡ гдрѧ, с матерїею вашею, с
гдрнею инокою марѳою іѡанновною, и болѧръ вашихъ, и
ѿколничихъ, и дворѧнъ, и всѧких чинѡвъ людей, захватили
в городѣ в китаѣ и в кремлѣ, и держали в неволѣ: а
иныхъ за крѣпкими приставы. И видѣвъ се, [зло и не-
правдѹ жигимонта королѧ и разоренїе московскомѹ гдртвѹ,
и ѡсквернєнїе стымъ бжїимъ црквамъ, и порѹганїе нашей
православнѣй хрстїанско вѣрѣ, еже праведный бгъ, за грѣхи
наша на насъ попѹстилъ]: всегѡ росiйскагѡ гдртва, всѧкїѧ
люди, и вмѣстѣ меж себѧ союзной совѣтъ ѹчинили, и кртъ-
нымъ цѣлованїемъ ѹкрѣпилисѧ, на то, что всѣмъ право-
славнымъ хрстїанѡмъ, всегѡ рѡсiйскагѡ цртвїѧ, ѿ мала и
до велика, за королевскѹю мнѡгѹю ко всемѹ московскомѹ
гдртвѹ неправдѹ, и за нашѹ истиннѹю православнѹю вѣрѹ,
и за стыѧ бжїѧ церкви, и за мнѡгое бечисленное хрстїан-
ское кровопролитїе, и за разоренїе московскагѡ гдртва,
стоѧти всѣмъ единомысленнѡ: и сна егѡ, владислава коро-
левича, на московское гдртво, гдремъ никакъ не хотѣти.
И собравсѧ с болѧры и воеводы, млстїю бжїею, а вашимъ
црскимъ щастїемъ, цртвѹющїй градъ москвѹ, ѿ польских и
литовскихъ людей ѿчистили, а васъ, великаго гдрѧ, и мать
вашѹ, великѹю гдрню нашѹ, инокѹ марѳѹ іѡанновнѹ, и
болѧръ вашихъ, и ѿколничихъ, и всѧких чинѡвъ людей из
плѣнѹ, ѿ польскихъ и литовских людей бгъ свободилъ. А

нн҃ѣ всеси́лный, во трⷪ҇цѣ сла́вимый бг҃ъ на́шъ, на на́ млⷭ҇ть
свою̀ показа̀: подарова́лъ на́мъ на вели́кїѧ гдⷭ҇рства россі́й-
скагѡ црⷭ҇твїѧ, по срⷪ҇дству дѣ́ди ва́шегѡ, хвала́мъ досто́й-
наго, по вели́комъ пра́ведномъ гдⷭ҇рѣ црⷭ҇ѣ и̂ вели́комъ
кн҃зѣ ѳео́дѡрѣ ї̈ѡ́анновичѣ, всеѧ̀ рѡсі́и самоде́жцѣ, ва,
вели́кагѡ гдⷭ҇рѧ црⷭ҇ѧ, и̂ вели́кагѡ кнѕѧ мїха́йла ѳео́дѡровича,
всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржца, гдⷭ҇рѧ бл҃гочести́ва, пра́ведна, и̂ по
правосла́внѣй хрⷭ҇тїанско́ вѣ́рѣ побора́телѧ. И̂ мы̀, бг҃омо́лцы
твои, митрополи́ты, и̂ а̂рхїеппы и̂ е̂ппы, по̀ бж҃їей во́ли,
и̂ по срⷪ҇дству дѣ́ди ва́шегѡ, хвала̀ досто́йнагѡ пра́веднагѡ,
вели́кагѡ гдⷭ҇рѧ црⷭ҇ѧ, и̂ вели́ка кн҃зѧ, ѳео́дѡра ї̈ѡ́анновича,
всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржца, и̂ по и̂збра́нїю всѣ́хъ чинѡ́въ люде́й,
всегѡ̀ ва́шегѡ вели́кагѡ рѡсі́йска црⷭ҇твїѧ, ва, вели́ка гдⷭ҇рѧ,
на тѣ̀ ва́ши вели́кїѧ и̂ пресла́внаѧ гдⷭ҇рьства, на влади́мїр-
ское и̂ на моско́вское, и̂ на новгоро́дское, и̂ на црⷭ҇тва ка-
за́нское, и̂ а̂страха́нское, и̂ на сиби́рское, и̂ на всѧ̀ ва́ши
новоприбылыѧ гдⷭ҇рства, и̂же в̂ держа́вѣ, и̂ во ѡ̂бласти,
рѡсі́йскагѡ црⷭ҇твїѧ, ѿ вы́шнѧгѡ про́мысла, по да́ннѣй на́мъ
бл҃года́ти, ѿ прест҃агѡ и̂ животворѧ́щагѡ дх҃а, поставлѧ́емъ
тѧ̀ и̂ пома́заемъ тѧ вели́кїй гдⷭ҇рь црⷭ҇ь, и̂ вели́кїй кн҃зь,
мїха́илъ ѳео́дѡровичь, бг҃омъ вѣнча́нный црⷭ҇ь и̂ самоде́ржецъ,
всеѧ вели́кїѧ рѡссі́и. И̂ да ᲂу̂мно́житъ гдⷭ҇ь бг҃ъ лѣ́тъ црⷭ҇т-
вїю твоему̀, и̂ положи́тъ на главѣ̀ твое́й вѣне́цъ ѿ ка́ме-
не чⷭ҇тна, и̂ да́руетъ тебѣ̀ долготу̀ дне́й, и̂ да́стъ тебѣ̀
гдⷭ҇ь, в̂ десни́цѣ твое́й, ски́петръ црⷭ҇твїѧ: и̂ посади́тъ тѧ̀ на
прⷭ҇то́лѣ пра́вды: и̂ ѡ̂гради́тъ тѧ всеѡ̂ру́жествомъ ст҃агѡ дх҃а, и̂
ᲂу̂тверди́тъ мы́шцу твою̀: и̂ покори́тъ тебѣ̀ всѧ̀ ѧ̂зы́ки, хотѧ́-
щыѧ бра́немъ: и̂ всѣ́етъ гдⷭ҇ь в̂ срⷣцѣ твое́мъ стра́хъ сво́й, е̂́же
к̂ послу́шнымъ млⷭ҇тивное, и̂ соблюде́тъ тѧ̀ в непоро́чнѣй
хрⷭ҇тїанско́й вѣ́рѣ: и̂ пока́жетъ ѡ̂па́сна храни́телѧ ст҃ыѧ своеѧ̀
собо́рныѧ восто́чныѧ црⷭ҇кви в̂ веле́нїихъ, и̂ да су́диши лю́ди

твоѧ правдою и нищихъ сꙋдомъ истиннымъ. да возсиѧетъ во днехъ твоихъ правда, и множества мира. да в тихости твоей тихо и безмолвно житие поживемъ, во всѧкомъ бл҃го-честии, и чистотѣ, здѣ добрѣ и бл҃гоꙋгоднѡ поживше, и наслѣдники бꙋдеши нб҃наго цр҃твиѧ, со всѣми ст҃ыми право-славными цр҃и. Превысочаишꙋю же чт҃ь, и вышехвалнꙋю славꙋ цр҃твиѧ вѣнецъ, на главꙋ свою воприими, егоже взыска ѿ древнихъ лѣтъ, великий гд҃рь владимиръ мономахъ, что намъ ѿ ва великагѡ гд҃рѧ, ѿ вашегѡ црьскагѡ прекрасно цвѣтꙋ-щагѡ корене, пресвѣтлаѧ и прекраснаѧ вѣтвь процвѣла в надеждꙋ, и в наслѣдие всѣмъ великимъ гд҃рства росийскагѡ цр҃твиѧ.

Послѣ возложенія на царя царскаго вѣнца, затѣмъ бармъ и животворящаго креста начались литургія; митрополитъ Ефремъ совершилъ предъ причащеніемъ надъ государемъ священное миропомазаніе изъ того сосуда, который по преданію принадлежалъ императору Августу, и изъ котораго и донынѣ помазываются наши государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный и помазанный царь пріобщался св. Тѣла и Крови Христовой. Знаки царскаго достоинства при семъ священнодѣйствіи держали въ соборѣ князья Д. М. Пожарскій, Трубецкой, Мстиславскій, дядя государя бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ.

Послѣ совершенія таинства митрополитъ Ефремъ произнесъ въ соборѣ предъ государемъ второе свое привѣтственное слово:

Великий гд҃рь цр҃ь, и великий кн҃зь михаилъ ѳеодоровичь, всеѧ росии самодержецъ. Се нынѣ ѿ бг҃а поставленъ еси бг҃омъ вѣнчанный цр҃ь, и великий кн҃зь, правити хорꙋгви, и содержати скипетры, великагѡ росийска цр҃твиѧ, и вѣнчанъ еси црьскимъ вѣнцемъ, по бл҃гти ст҃гѡ дх҃а и по м҃тти прест҃ыѧ бц҃ы, и по бл҃гословению великихъ московскихъ чюдо-творцовъ, петра и алексиа, и иѡны, киевскихъ и всеѧ росии: и всѣхъ ст҃ыхъ м҃лтвами, и по бл҃гословению матери сво-

єѧ̀, вели́кїѧ гдⷭ҇рни, і̂ноки ма́рѳы ї̈ѡа́нновны, и҆ по ѹ҆проше́нїю и҆ по челоби́тїю на́, бг҃омо́лцєвъ твои́хъ, и҆ боѧ́ръ, и҆ ѡ҆ко́лничїй, и҆ всѧ́кихъ чино́въ люде́й, всегѡ̀ вели́кагѡ рѡссі́йскагѡ

Преосвященный Ефремъ, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій.

гдⷭ҇рства. и҆ по да́нньй на́мъ бл҃гти, ѿ ст҃а́гѡ и҆ животворѧ́щагѡ дх҃а, рѹкоположе́нїемъ на́шегѡ смире́нїѧ, со̀ а҆рхїеп҃кпы и҆ еп҃кпы рѡссі́йскїѧ митрополі́и, во̀ црⷭ҇твꙋ́ющемъ твое́мъ гра́дѣ москвѣ̀. и҆ ты̀, вели́кїй гдⷭ҇рь црь и҆ вели́кїй кнѧ́зь

міхаилъ ѳеодоровичь, всея рωсіи самодержче, имѣй страхъ бжій в срцѣ, и сохрани вѣру хртіанскую, греческаго закона, чтиу и непоколѣбиму: и соблюди цртво твое чисто и непорочнω, и люби правду и млть и судъ правый, и к послушны млтивное: ко стымъ же бжіимъ црквамъ, имѣи вѣру и страхъ бжій і воздавай чть, понеже въ нѣй црю, второе рожденъ еси ѿ стыя купѣли духовнымъ стымъ рожденіемъ: и ко стымъ чтнымъ митрѣмъ велію вѣру держи, по даннѣй ти ѿ бга цртвія власти. к нашему же смиренію, и ко всѣмъ своимъ бгомолцемъ, ѿ стѣмъ дсѣ, имѣи правду, и млть и любовь, к болярωмъ же своимъ, и сиклитичимъ, и к ближнимъ, и всякагω чина к людямъ своегω цртва, буди млтивъ, и праворасудителенъ, глю ти, бголюбивый црю, блюди с бгомъ и храни, єликω твоя црьская власть и сила содержитъ, покрываемь вышняго десницею, и хранимъ блгтію стагω дха ѿ всѣхъ врагωвъ твоихъ, видимыхъ и невидимыхъ. глетъ бо гдь бгъ, чрезъ исаіа прорка, азъ воздвигохъ тя цря с правдою, и пріяхъ тя за руку, и оукрѣпихъ тя, сегω ради слышите црїе и кнзи, и разумѣйте, якω ѿ гда дана быть держава вамъ, и сила ѿ вышняго: васъ бо небра гдь бгъ на земли, и на прстолы, и млть и живо положи на васъ. васъ же подобаетъ, пріемше ѿ вышняго повелѣніе правленія члческаго рода, православныхъ хртіанωвъ, не токмω ѿ своихъ пещися, и свое точію житіе правити, но вся ѡбладаемыя ѿ тревоненія спасати, и соблюдати стадо єгω ѿ волкωвъ невредимω: и боятися гнѣва серпа нбна, и не давати воли злотворящимъ члкωмъ. якω же бо слнцу на земли не сущу, темность єсть, такω не расуднѣ єдина во добродѣтели безсмертна суть. и паки глю, ѡ бгомъ вѣнчанный црю, цѣло имѣй мудрованіе, православныхъ догматωвъ, почитай излише мтре твою црковь, яже ѿ стѣмъ дсѣ тя възпита, да и

са́мъ почте́ＢУдеши ѿ неѧ̀ и҆ сщ҃е́нника почита́й, ꙗ҆́кѡ хода́тай къ бг҃у, что̀ бо сщ҃е́нническаѧ на̀ бг҃а во́ходи́. ꙗ҆зы́ка же льсти́ва, и҆ свѣ́тна и҆ ѡ҆бога́телѧ не прїе́мли. ѽ бг҃омъ вѣнча́нный црю̀, мдрсть чтнѣ́йши є҆́сть, и҆ всѣ́мъ тщателнѣ́йши є҆́сть: всѝ бо ту, ꙗ҆́кѡ блг҃у похвалѧ́ю, и҆ любому́дру ти̑ бы́ти подоба́етъ, и҆лѝ му́дрымъ послѣ́довати, на̀ ни́хъ же воисти́нну, ꙗ҆́кѡ на̀ прто́лѣ бг҃ъ почива́етъ. не та́кѡ кра́снаѧ мі́ра всѧ̀, ꙗ҆́кѡ добродѣ́тели кра́си црѧ̀. но̀ зрѝ добр҃ту дхо́вную, и҆ раздава́й са́ны туне. є҆́же бо цѣно́ю ку́пивый вла́сть, мно́жае па́че ѡ҆блада́емыѧ ку́питъ, ꙗ҆́кѡ мздово́даѧнїю надѣ́ѧсѧ, ко̀ мздопрїѧ́тїю безъ бо́ѧзни зри́тъ. а҆́ще бо и҆ неприступенъ є҆сѝ црю̀, ни́жнѧгѡ ра́ди цр҃тва, но̀ ѹ҆до́бь приступенъ бу́ди, го́рнїѧ ра́ди вла́сти, но̀ и҆́маши и҆ са́мъ црѧ̀, и҆́же є҆́сть на̀ нб҃сѣ́хъ. а҆́ще бо о҆́нъ всѣ́ми пече́сѧ ꙗ҆́кѡ бг҃ъ, си́це потре́бнѡ є҆́сть и҆ тебѣ̀ црю̀, ничто́же презира́ти. тщи́сѧ, ѽ бг҃омъ вѣнча́нный црю̀, не то́чїю сїѐ цр҃тво испра́вити нра́вы бл҃ги́ми, но̀ и҆ нбнаѧ добродѣтелными блгодѣѧ́ньми, наслѣ́довати и҆́маши. и҆ а҆́ще хо́щеши, млтива себѣ̀ и҆мѣ́ти нбнагѡ црѧ̀, и҆ бг҃а, млтивъ и҆ ты̀ бу́ди црю̀ ко̀ всѣ́мъ: да̀ и҆ здѣ̀ до́брѣ блго пожи́веши, и҆ цртвуеши до́бры слу́хомъ здѣ̀: а҆ въ нбнѣмъ цртвїи со̀ а҆гг҃лы бж҃їими, и҆ со̀ всѣ́ми стыми блгочтивыми цри̑ да̀ наслѣ́дникъ бу́деши: и҆ да возмо́жеши ре́щи ко̀ творцу̀ своему̀ и҆ бг҃у, сѐ а҆́зъ гдѝ, и҆ лю́дїе твоѝ и҆́же мѝ є҆сѝ да́лъ. и҆ тогда̀, ѽ блгочти́вый црю̀, и҆ са́мъ ѹ҆слы́шиши сла́дкїй о҆́нъ гла нбнагѡ црѧ̀ и҆ бг҃а: бл҃гїй мо́й ра́бе до́брый и҆ вѣ́рный, рѡсі́йскїй црю̀ мїха́йле, ѽ ма́лѣ бы́сть вѣ́ренъ, на̀ мно́гими тѧ̀ поста́влю, вни́ди в ра́дость гда своегѡ̀. и҆ тогда̀ бг҃омъ вѣнча́нный црю̀, вни́деши во̀ цр҃ство нбное, со̀ всѣ́ми ст҃ы́ми, и҆ прїи́меши неѹ҆вѧда́емый вѣне́цъ сла́вы; и҆ бу́деши цртвовати со̀ хр҃то́мъ въ нбнѣмъ цртвїи, и҆ со̀ а҆гг҃лы и҆ всѣ́ми

ст҃ы́ми, сла́вити бг҃а, во̀ тро́йцѣ пѣва́емагѡ, и҆ весели́тисѧ съ ни́ми, в̾ безконе́чныѧ вѣ́ки. Бꙋ́ди же с тобо́ю бг҃омъ вѣнча́ннымъ, и҆ правосла́вны цр҃е́мъ, и҆ на́мъ полꙋчи́ти цр҇твїѧ нб҃наго, бл҃гтїю и҆ чл҃колюбі́е, гдⷭ҇а на́шего і҆и҃са хрⷭ҇та, с ни́мже ѻ҆ц҃ꙋ кꙋ́пнѡ и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ чт҃ь и҆ поклане́нїе, ны҃нѣ и҆ прⷭ҇нѡ и҆ во̀ вѣ́ки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь.

Потомъ святитель благословилъ царя св. крестомъ и опять произнесъ слѣдующее:

Ѽ бг҃омъ вѣнча́нный цр҃ю, и҆ вели́кїй кн҃зь мїха́илъ ѳео́доровичь, всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржецъ, бꙋ́ди на тебѣ̀ ма́ть бж҃їѧ, и҆ прч҃тыѧ бц҃ы, и҆ вели́кихъ чюдотворцовъ, и҆ всѣ́хъ ст҃ы́хъ мл҃тва, и҆ бл҃гословле́нїе, да̀ и҆ на́шегѡ смире́нїѧ мл҃тва, и҆ бл҃гослове́нїе всегѡ̀ ѡ҆сщ҃е́ннагѡ собо́ра, рꙋ́кїѧ мїтропо́лїи, ѿны҃нѣ и҆ до вѣ́ка, и҆ во̀ мно́гїѧ ро́ды и҆ лѣ́та, и҆ ᲂу҆мно́житъ гдⷭ҇ь бг҃ъ лѣ́тъ живота̀ цр҇твїѧ ва́шегѡ. И҆ ᲂу҆зрѣ́вши сн҃ы сынѡ́въ свои́хъ, и҆ ᲂу҆стро́итъ гдⷭ҇ь цр҇тво твоѐ и҆ вознесе́тъ гдⷭ҇ь цр҇твꙋющꙋю десни́цꙋ твою̀, на̀ всѣ́ми твои́ми не́дрꙋги и҆ враги̑: и҆ ᲂу҆стро́итъ гдⷭ҇ь бг҃ъ цр҇тво твоѐ ми́рнѡ, и҆ вѣ́чнѡ, в̾ ро́ды родѡ́въ на вѣ́ки.

На это всѣ молящіеся воскликнули: «Бꙋ́ди и бꙋ́ди многолѣ́тнѡ.»!

Въ день вѣнчанія князю Д. М. Пожарскому сказано было боярство, а Кузьмѣ Минину думное дворянство.

Земскій соборъ приказалъ казанскому дьяку Шульгину съ казанскими ратными людьми выгнать изъ г. Михайлова Заруцкаго съ Мариною и ея сыномъ. Шульгинъ пошелъ, съ дороги донесъ, что казанскіе ратные люди присягули царю Михаилу, а самъ пытался уговорить ихъ не присягать новому царю, такъ какъ де онъ обранъ безъ вѣдома государства Казанскаго; дьякъ даже тихонько поѣхалъ для того же воровского дѣла въ Казань, но на дорогѣ узналъ, что казанская земля поспѣшила присягнуть по указу митрополита Ефрема новому царю.

Шульгина около Свіяжска арестовали, препроводили въ Москву, откуда онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончалъ дни свои. Пришлось побывать въ Казани и сообщнику Шульгина атаману Заруцкому съ Мариною и Маринкинымъ сыномъ, но въ качествѣ осужденныхъ на смерть плѣнниковъ. Изъ Казани плѣнные были доставлены въ Москву, гдѣ Маринкинъ сынъ былъ повѣшенъ, Заруцкій посаженъ на колъ, а Марина скончала жизнь свою въ тюрьмѣ.

Первые шаги новаго монарха шли совмѣстно съ земскимъ соборомъ, на которомъ присутствовали два митрополита: Ефремъ Казанскій и Кириллъ Ростовскій. Владыка Ефремъ въ маѣ посвятилъ на Крутицу въ митрополиты Іону, такъ что на царскомъ вѣнчаніи было три митрополита: Ефремъ Казанскій и Свіяжскій, Кириллъ Ростовскій и Ярославскій, Іона Сарскій и Подонскій. Только послѣ выѣзда владыки Ефрема изъ столицы управлять патріархіею сталъ митрополитъ Іона, какъ мѣстоблюститель патріаршаго престола по установленному порядку.

Къ концу 1613 г. митрополитъ Ефремъ возвратился въ Казань и 26 декабря скончался, былъ торжественно погребенъ въ Спасскомъ монастырѣ, въ часовнѣ, на мѣстѣ покоя св. Гурія и Варсонофія, вмѣстѣ съ останками иноковъ Іоны и Нектарія, сподвижниковъ св. апостола Казани. Казанская церковь сопричислила усопшаго митрополита къ лику святыхъ; въ одной изъ древнѣйшихъ церквей Казани имѣется стѣнной образъ святителя. Его икона сооружена и надъ могилою приснопамятнаго владыки.

Смута кончилась. Россія вышла изъ нея обновленною. Разруха объединила окраины съ центромъ, съ сердцемъ страны. Прекратили свое существованіе отдѣльныя государства, а настало великое царство Россійское.

«Въ искушеньяхъ долгой кары,
Претерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь:
Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ».

Прошло 300 лѣтъ, какъ при живѣйшемъ участіи названныхъ выше дѣятелей, близкихъ Казани лицъ: святѣйшаго Гермогена, святителя Ефрема и старца Авраамія Палицына была

прекращена разруха, и совершилось «по Божьему устроенію и приговору всей земли» избраніе въ Московскіе цари правнука перваго намѣстника царства Казанскаго князя-Рюриковича А

Чебоксары.

Б. Горбатаго-Шуйскаго: былъ избранъ бояринъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, «сродичъ, дяди своего наслѣдникъ, братаничъ блаженнаго царя Θеодора, ясно по свойству царскаго сѣмени Богомъ избранный цвѣтъ, не по человѣческому хотѣ

нію, не по своему желанію, а по праведному суду Божію изъ устъ всего народа Россійскаго царствія». Одновременно съ этимъ сей избранникъ сталъ и царемъ Казанскимъ. Люди Казанскаго края имѣютъ въ лицѣ св. Гермогена, Ефрема и Авраамія высокопоучительные примѣры гражданскихъ доблестей.

Казанскій край хранитъ прахъ бабушки избраннаго 21 февраля 1613 г. царя: княгини Шестовой. Въ г. Чебоксарахъ былъ когда то Никольскій дѣвичій монастырь, обращенный въ 1764 г. въ Николаевскій соборъ, по Предтеченскому въ немъ нынѣ придѣлу именуемый въ просторѣчьи «Предтечею». Здѣсь то подъ Никольскимъ придѣломъ имѣется склепъ, въ которомъ и покоятся въ дубовой колодѣ въ шерстяномъ монашескомъ одѣяніи кости княгини, сосланной въ монастырь въ 1601 г. царемъ Борисомъ Годуновымъ и постриженной подъ именемъ Мареы игуменомъ чебоксарскаго троицкаго монастыря Іоанникіемъ Княгиня и скончалась въ заточеніи. Въ скепъ ведетъ желѣзная дверь. Подлѣ нея въ стѣнѣ есть оконце. Княгиня несомнѣнно была не расположена къ царю Борису Годунову, перехватившему престолъ царскій у ея зятя Ѳеодора Никитича Романова. Отъ нея по преданію остался въ Чебоксарахъ въ мѣстной кладбищенской церкви даръ, поступившій чрезъ строителя послѣдней А. С. Арбатова: изображеніе царевича Дмитрія во весь ростъ и въ царской одеждѣ съ крестомъ, пальмовой вѣтвью и ножомъ въ рукахъ. На заднемъ фонѣ иконы изображены терема, церкви, народъ, событіе убіенія царевича въ лицахъ съ слѣдующими надписями:

1) Благочестивый царь Феодоръ Іоанновичъ вручаетъ жезлъ въ руку брату своему, благовѣрному царевичу Димитрію, и посылаетъ его въ удѣльный градъ Угличъ съ рождящею его матерію Маріею Ѳеодоровною.

2) (Разобрать очень трудно—почти предположительно) хотяй себѣ Борисъ Годуновъ... други дарами купити яже тѣми... ихъ... указать, какъ бы царевича Димитрія погубити.

3) Борисъ Годуновъ посылаетъ въ Угличъ Василисѣ Волоховѣ многіе дары и еще обѣщаваяся ей дати большія нѣкія дары и еще обѣщаваяся сына ея Данила велика сана сподобити, да еще царевича Димитрія тайно отравой уморити.

4) Василиса Волхова подавала церевичу Димитрію секретную отраву въ питіи, святый же невређденъ бысть.

5) Возвѣсти же Василиса тайнными посланники Борису Годунову, яко царевича Димитрія никакова же вредитъ отрава, исполнился Борисъ печали и ярости.

6) (Всѣ слова почти стерлись)... же совѣщаваяся.

7) Утаишася тріе псковники въ тайннемъ мѣстѣ, ждущіе да сведетъ Василиса царевича на дворъ.

8) Василиса же обольсти царицу лестными словами да отпуститъ царевича во дворъ, царица же емше ей вѣру, отпусти царевича.

9) Василиса же ведоша царевица изъ палаты на дворъ, кормительница же его не хотяше отпустити, аки ей ведуще, Василиса же едва не нуждею его ведоша.

10) Василиса же сведе царевица Димитрія на дворъ.

11) Кормительница его съ болѣзнованіемъ послѣдующе.

12) И ту явишася ждуще тріе убійцы Никита Качаловъ, Данило Битяговской, Данило Волоховъ, той и пріимъ царевича отъ матере своея.

13) Данило же уязви святого въ шею ножемъ и не угоди прерѣзати ему гортань.

14) Убоявшеся, повергъ ножъ и побѣже.

15) Святый же паде на землю, кормительница же его притече и паде на царевича, нача вопити; Никита же Качаловъ и Данило Битяговской начаша ея бити, царевица же гортань прерѣзаше.

16) Понамарь видѣ издалече дѣемое на дворѣ царевичевѣ.

17) Той же пономарь взыде на колокольню, нача въ звонъ бити на сполохъ.

18) Убійцы же начаша двери колокольныя ломати, хотяху убити въ звонъ ударяющаго, и не можаху отверсти.

19) Убійцы же побѣгоша вонъ изъ града и не познаша, камо бѣжати, и возвратишася вспять.

20) Граждане же течаху на звонъ ко двору царевичеву.

21) Царица Марія Феодоровна и вси граждане плакахуся неутѣшно надъ царевичевымъ закланнымъ тѣломъ.

22) Убійцы же отъ гражданъ каменіемъ побіени быша.

Мѣстные жители сдѣлали Николаевскій соборъ, мѣсто страданій инокини Мареы, предметомъ паломничества.

Въ Казанскомъ каеедральномъ соборѣ имѣется дорогое евангеліе съ изображеніями евангелистовъ, золотыми за-

ставками и словами, вкладъ митрополита Ефрема; на евангеліи имѣется слѣдующая надпись: При державѣ благочестиваго царя и великаго князя Михаила Өеодоровича митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Ефремъ далъ въ домъ Пресвятой Богородицы преславнаго ея Благовѣщенія въ вѣчное поминовеніе за свою душу, отъ него же возведенъ бысть благочестивый государь Михаилъ Өеодоровичъ на государство Россійскаго царствія. Евангеліе напечатано съ болгарскаго извода въ 1606 г. печатникомъ Анисимомъ Радишевскимъ Волынцемъ; украшенія работалъ царскій мастеръ Парфентій.

Казанскій каѳедральный соборъ.

Въ Казанскомъ Өеодоровскомъ монастырѣ есть Өеодоровская икона Божіей Матери, списокъ съ той иконы, которой былъ благословленъ Михаилъ Өеодоровичъ 14 марта 1613 г. Этотъ списокъ пожертвованъ О. А Лукиной изъ рода бояръ Романовыхъ въ началѣ 17 вѣка Каз. Өеодоровскому монастырю.

Вотъ что воскресаетъ въ памяти казанцевъ въ настоящіе священные для русскаго гражданина дни празднованія 300 лѣтняго юбилея царствованія благословеннаго дома Романовыхъ. Нижній гордится именами кн. Пожарскаго и Козьмы Минина, Кострома Иваномъ Сусанинымъ; мы же, казанцы, должны гордиться, тѣмъ, что Казанскій край воспиталъ такихъ патріотовъ, какъ святители Гермогенъ и Ефремъ, и давалъ 8 лѣтній пріютъ

старцу Авраамію, приготовившемуся къ высокой патріотической дѣятельности подъ руководствомъ названныхъ святителей. Еще болѣе мы должны благодарить Бога, что священный для насъ Казанскій образъ Божіей Матери былъ въ земскихъ ополченіяхъ, предъ нимъ молились русскіе послѣ очищенія, кремля отъ поляковъ; предъ этимъ святымъ ликомъ молился юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда вступилъ на царство; этотъ образъ, хотя бы и въ спискѣ, сталъ особенно дорогъ всей православной Руси.

Господь удостоилъ вѣнца мученика святѣйшаго патріарха Гермогена. Въ 1654 г. были обрѣтены нетлѣнныя мощи святителя находящіяся нынѣ подъ спудомъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Въ «Книгѣ о святыхъ» про него сказано: святѣйшій патріархъ Гермогенъ, новый исповѣдникъ, уморенъ голодомъ въ Чудовомъ монастырѣ отъ русскихъ измѣнниковъ и поляковъ, а въ «Сказаніи о бѣдахъ, скорбяхъ и напастехъ» сказано: «Великаго святителя патріарха новаго исповѣдника Ермогена уморили нужною смертью за его крѣпость и неколеблющійся разумъ и пріятъ отъ Бога неувядаемый вѣнецъ». Въ XVII в. патріархъ служилъ по святителѣ Гермогенѣ заупокойную литургію и вселенскую панихиду ежегодно во вторникъ Ѳоминой недѣли. Имя святителя вошло въ книгу «Святая Русь» архимандрита Леонида и въ «Источники русской агіографіи», въ старинные списки и сборники русскихъ угодниковъ, и онъ причисленъ къ мѣстночтимымъ въ Москвѣ подвижникамъ благочестія. Въ 1812 г. св. мощи великаго казанца еще разъ подвергались глумленію враговъ Россіи: французы, ища богатства, разбили гробницу Гермогена, выкинувъ его св. мощи. Въ 1912 г. 17 февраля вся Россія праздновала 300 лѣтіе дня мученической кончины св. Гермогена. Въ 1913 г. москвичи числомъ 20000 послали ходатайство въ Св. Синодъ о причисленіи святителя къ лику святыхъ всероссійской церкви приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Недавнее, по благословенію Святѣйшаго Синода, всероссійское торжественное чествованіе (17-го февраля 1912 года) трехвѣковой памяти поистинѣ святѣйшаго изъ всѣхъ десяти нашихъ патріарховъ первосвятителя Гермогена раскрыло предъ очами русскаго народа все величіе его подвиговъ, какъ спасителя вѣры и отечества въ годину гибельнѣйшаго лихолѣтья, всю святость его жизни и мученической смерти и напомнило

всѣмъ намъ, что древняя святая Русь глубоко чтила сего «несокрушимаго столпа вѣры и отечества, какъ новаго исповѣдника, вписывыла его имя, какъ святого, въ помянники церковные, и что, наконецъ, Господь троекратно—въ 1654, 1812 и 1883 годахъ—свидѣтельствовалъ нетлѣніе его священныхъ останковъ».

Мысль о небходимости причислить къ лику святыхъ патріарха Гермогена возникла еще въ 1906 году, когда впервые у раки съ его мощами начали совершаться чудеса. Но окончательно созрѣла эта мысль только въ 1911 году. Съ этого времени въ Успенскомъ соборѣ была заведена особая книга для записи совершаемыхъ у гробницы чудесъ.

Чудеса записываются, по заявленію исцѣлившихся, членами причта собора и церковнымъ старостою полковникомъ Пороховниковымъ. Въ настоящее время въ книгу занесено болѣе 200 случаевъ чудеснаго исцѣленія. Есть особая шнуровая книга, куда вписываются чудеса только послѣ тщательной провѣрки ихъ; допрашиваютъ самихъ исцѣленныхъ, собираютъ свидѣтельскія показанія, устанавливаютъ исторію болѣзни при помощи медицинскихъ свидѣтельствъ и пр. Такихъ провѣренныхъ случаевъ чудеснаго исцѣленія зарегистрировано пока 48.

Вотъ наиболѣе видные изъ нихъ. Въ октябрѣ 1911 года въ соборъ была приведена владѣлица имѣнія около ст. «Крюково» Николаевской дороги, Смирнова-Рихтеръ.

Страдая острымъ ревматизмомъ въ ногахъ, больная въ теченіе многихъ лѣтъ не ходила. Помолившись у гробницы за панихидою, г-жа Смирнова-Рихтеръ безъ посторонней помощи подошла къ ней приложиться. Съ этихъ поръ она совершенно здорова. Приводившій больную мужъ ея, лютеранинъ, свидѣтельствовалъ чудо.

Въ октябрѣ 1912 года въ Москву пріѣхалъ изъ провинціи одинъ купецъ со всею семьею. Купецъ привезъ въ соборъ своего 11-лѣтняго сына, страдавшаго эпилепсіей. У мальчика случались припадки, до 50-ти разъ въ сутки. Въ первую ночь послѣ совершенной у гробницы панихиды припадки значительно сократились, а на вторую ночь, когда на мальчика надѣли рубашку, положенную на гробницу, припадковъ совсѣмъ не было. И вотъ отецъ исцѣленнаго мальчика прислалъ письмо, въ которомъ выражаетъ радость по поводу совершеннаго выздоровленія сына.

Въ ноябрѣ 1912 года исцѣлилась 6-лѣтняя дѣвочка, отъ рожденія не ходившая.

30-го декабря прошлаго года живущій въ Москвѣ отставной генералъ-майоръ М. И. Савостинъ въ письмѣ свидѣтельствуетъ, что онъ, послѣ домашней молитвы патріарху Гермогену, исцѣлился отъ ревматизма.

Предсмертное видѣніе патріарха Гермогена.

Мученія голода могъ перенесть онъ,
Но жить безъ питанья не могъ,
И бренность ничтожнаго нашего тѣла
Сломила его, и онъ слегъ.
На пятыя сутки забылся владыка
И впалъ въ лихорадочный бредъ,
Но все призывалъ милосердіе Бога
Спасти отъ ужаснѣйшихъ бѣдъ
Родную сторону и не дать ей погибнуть
Отъ тяжкихъ раздоровъ вождей,
И строго и гнѣвно ее наказуя,
Явить свою милость надъ ней.
Ему представлялась народная сила,
Могучая сила земли,
Которой дружины, какъ грозныя тучи,
Кольцомъ вражій станъ облегли.
Онъ видѣлъ, какъ въ яростной битвѣ мѣшались
И вражьи и русскихъ полки,
Какъ ближе и ближе они подвигались,
Какъ стойко дрались поляки.
И долго та битва кипѣла, но все-же
Сломить вражій станъ не могла,
И быстро рѣдѣла народная сила,
И большею частью легла.
Но вотъ наконецъ одолѣли поляковъ,
Пощады не дали врагамъ,
Прогнали злодѣевъ, и въ Кремль златоверхій
Стеклись на молитву во храмъ.
Смиренно народъ предъ святыней Господней

Добычу побѣды сложилъ,
И онъ, патріархъ Гермогенъ, на амвонѣ
Соборне молебенъ служилъ.
Съ какою отрадой свершалъ онъ служенье,
И всѣ повторяли за нимъ
И вѣчную память усопшимъ собратьямъ
И многая лѣта живымъ!
Окончивъ молебенъ соборне, владыка
На Красное вышелъ крыльцо,
И было свѣтло, и сіяло, какъ солнце,
Его испитое лицо.
И пала толпа предъ нимъ на колѣни,
И онъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ.
О какъ онъ гордился такого народа
Духовнымъ считаться отцомъ!
А вотъ и потомокъ державнаго рода,
Избранникъ всей русской земли,
Кого, по свободному міра желанію
Всѣ дружно царемъ нарекли,
Стоитъ предъ нимъ... Онъ склонился смиренно,
Крестомъ свою грудь осѣнилъ
И ждетъ, чтобы самъ Гермогенъ всенародно
Тотъ выборъ вѣнцомъ утвердилъ.
Какою-то чудною силою подъятый,
Страдалецъ поднялся съ земли:
Въ такое мгновенье ни голодъ, ни муки
Его одолѣть не могли.
Поднявъ ослабѣвшія руки, владыка
Вѣнецъ на главу возложилъ,
Вздоргнулъ, пошатнулся и съ чувствомъ восторга
Онъ очи навѣки смежилъ.

Навроцкій.

Закончимъ нашу повѣсть чудными стихами высокаго поэта, посвященными памяти великаго казанца патріарха Гермогена.

Время летитъ и стрѣлою несется,
Жизнь, какъ потокъ, устремилась за нимъ,—
Вспомнимъ, что было, что къ намъ не вернется,—
То, что прошло и похищено имъ.

Буря житейская волны нагнала:
Смута вездѣ, мятежи и разбой.
Русь зашаталася, Русь застонала,
Слезы и кровь полилися рѣкой.
Два самозванца тогда появились:
Гришка Отрепьевъ и Тушинскій воръ;
Гордо поляки надъ Русью глумились,—
Былъ тѣмъ глумленьямъ широкій просторъ.
Точно въ кошмарѣ какомъ задыхаясь,
Русь ослабѣла, порушивши «крѣпи»,
Въ вѣрѣ святой православной шатаясь,
Скорбно одѣлася въ польскія цѣпи.
Въ это столь мрачное, смутное время
Часъ для Россіи послѣдній пробилъ.
Кто же вдругъ свергнулъ съ ней польское бремя?
Кто ей свободу опять возвратилъ?
Пастыря добраго вспомни, Россія:
Былъ онъ спаситель, молитвенникъ твой;
Вспомни труды и заботы святыя,
Подвигъ великій, безцѣнный, златой.
Стражъ православія, Божій служитель,
Самъ патріархъ Русь святую спасалъ;
Русскихъ исконныхъ началъ охранитель,
Твердо за царскій престолъ онъ стоялъ.
Видѣлъ святитель бѣду, Богомъ данную,
Горько скорбѣлъ и болѣлъ за народъ,
Звалъ всѣхъ бороться за Русь православную,
Смѣло итти на поляковъ въ походъ.
Въ душу народную искра запала,
Сердце на подвигъ великій зажгла,—
Русь пріободрилась, быстро возстала,
Смѣло сражаться съ врагами пошла.
Сгинулъ кошмаръ... Вновь святая и чистая,
Русь о царѣ взревновала родномъ;
Вѣра отцовъ заблистала лучистая
Въ томъ ревнованьи народа святомъ.
Тщетно поляки въ союзѣ съ боярами,
Что измѣнили родному царю,
Долго грозили святителю карами,
Злобу предъ нимъ изливая свою.

Смѣло и громко Россіи спаситель
Звать весь народъ въ борьбу продолжалъ...
Скоро угасъ патріотъ и святитель:
Смерть онъ голодную стойко принялъ.
    Умеръ «печальникъ», но дѣло то родное
    Крѣпко росло... Поляки дрожали...
    Мининъ съ Пожарскимъ движенье народное
    Мощной рукою своей продолжали.
Славенъ, великъ патріархъ Гермогенъ!
Память въ народѣ о немъ нерушима.
Пусть же отъ смутъ и несчастныхъ временъ
Русь православная будетъ хранима!

К. Р.

Цѣна 25 коп.

Приложеніе къ «Циркуляру» при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа за январь — февраль 1913 г.

